

И был тот год на исходе времени Второго храма, когда вызрел плод ненависти, и перезревал. На улицах Иерусалима толпы простых людей смело выкрикивали своё презрение к языческой римской власти, продажным первосвященникам и патрициям.

Люди Торы не видели и не слышали этого, увязнув в обрядовых спорах. После назначения пятый префект Иудеи эквит Понтий Пилат приказал римскому гарнизону вступить ночью в Иерусалим с ликами его тестя императора Тиберия на золотых штандартах. Никто из римских правителей ещё так не оскорблял здешний Закон. Едва не случилось восстание в Кесарии.

И тогда навстречу всеобщему отчаянию вышел из Иудейской пустыни с вестью о спасительной близости Царствия Небесного некто Иоанн, – из рода Аарона, старшего брата Моисея. Он же Креститель, он же Окунатель и Предтеча, он же будто бы воскресший Илия. Вышел после тридцати лет строгого поста и покаяния приуготовлять иудеев к принятию уже идущего долгожданного Мессии, Царя Освободителя.

Более четырёх веков Израиль не слышал глас пророков о намерениях Божиих. Но все ждали «торжества праведных». Так что поначалу всяк принял Иоанна по-своему. Кто насмеялся над его видом и словом, кто зрил в нём самого Христа.

В изначалье первого часа дневной легкой стражи с упреждающим близкий восход Солнца бледно-серым глухим светом на крутой гадаринский холм, отороченный зубцами каменной стены, как выплеснули здешние греческие боги, любящие повеселиться, большую текучую росу, предупреждающую день ясный и добрый. Вот-вот переливчато замерцает она серебристой искрой на прохладной траве, на плоских глиняных крышах домов, на каменных мостовых богатого города Гадара, строго смотрящего со своего высокого холма на беспокойное холодное Галилейское озеро. Отсырели цепкой росой даже царственные мраморные колоннады эллинского театра. Как видно, накрыло этот десятиградский город сирийской провинции стылым сырým дыханием быстробеглого Гиеромакса, во множестве пробитого в этих местах кипящими донными источниками. Бывает момент, когда они по неведомому указанию все вместе берут такую силу, что дерзко фырча, разом фонтанно встают над рекой, далеко раскидывая горячие струи.

В это сумеречное подутрие перед восходом Солнца Елизар, старший сын каменотёса Гальята, аккуратно проехал на отцовской, ещё достаточно молодой семилетней серой ослице мимо террас Запад-

ного римского театра с проблёскивающей беломраморной сценой. Здешние представления любили посещать богатые римляне и сирийцы, легионеры и даже жрицы и жрецы храмов Зевса и Вакха. Тайком от Симхи, его мамы, иногда приходил сюда и Елизар поглядеть на неистовые танцы, которые она называла не иначе как «бесовскими», и послушать «неприличную» музыку греческих инструментов. Нередко маленький Елизар пугался и убегал домой, когда актёры и музыканты начинали представление с руганью и оскорблениями, предварительно хорошо выпив вина и пива.

Дальше пролежала улица каменных лавок, которая вывела Елизара на идущий вдоль склона горы декуманус максимум, – главную улицу Гадара, обустроенную длинной изящной беломраморной коринфской колоннадой и мощёную плитами зеркального смолисто-чёрного базальта. Старательно подкованные в дальнюю дорогу щегольски высокие копытца ослицы чётко пощёлкивали по гадаринской мостовой, пока не затихли, пригложнув, – она сошла на известковую караванную тропу, которая вела между холмов в бесконечную долину напряжённо извилистого Иордана, который сверху напоминал гигантскую змею из породы тех, что убила по легенде Лаокоона и его сыновей за непослушание богам.

После Галилейского озера на своём покато­м пути вниз к загадочному Солёному морю Иордан петлял по долине, похожей на дно бывшего огромного высохшего моря, окружённого горными берегами, скальными хребтами и гигантскими покатыми холмами. На древнееврейском «иордан» – спускаться. А то даже – спускаться к воде. Мудрые персы, знающие толк в поэзии не менее эллинов, называли Иордан так: «Река, текущая весь год».

Проезжая через высокие главные Восточные городские ворота, Елизар зябко поёжился от сырости, несмотря на своё добротное дорожное облачение – дорогой тканый хитон и шерстяной чёрный римский плащ-паллий с костяной иглой на груди. На нём ещё был розовый льняной хитон почти до пят с длинными рукавами, перехваченный плетёным из тончайшей виссоновой волшебной нити египетским поясом пурпурного цвета, – смотревшийся просто-таки царственно. По крайней мере, такую ткань мать Елизара Симха видела только в обителях первосвященников Иудеи и однажды на самой Иродиаде, второй коварной и злобной жене тетрарха Антипы, на пире в замке Махерон. Учитывая такое достойное одеяние семнадцатилетнего Елизара, вполне можно было предположить, что он выехал, скажем, для обручения с уже назначенной ему «ктаной», скажем, лет от трёх или несколько старше. Однако версия с обручением не выдержит никакой критики, если знать, что в роскошном поясе Елизара лежали припасённые всего лишь два серебряных денария кесаря, каждый из которых ни много ни мало составлял ежедневную плату римскому воину.

Ехал Елизар настороженно ещё и потому, что уже какой раз ему на пути попадались стада суетливых свиней, – полусонные пастухи как раз в это время выгоняли их на пастбища к нависшей над долиной гряде рыжих гор. Там натасканные свиньи нередко находили целые поляны гадарских трюфелей, тех самых, за которые в Иерусалиме, а особенно в роскошном мраморном Дамаске знавшие толк в гастрономических изысках богатые римляне платили столько, что удачливые охотники за такими грибами могли быстро обогатиться. Потом же и за сало неплохо платили начальники легионеров, потому что оно в их армии считалось первым по важности продуктом, будто бы придававшим воинам нужные силы для великих побед.

Охочие до поросят, здесь по утрам объявлялись своры юрких аравийских волков-недоростков и нахальных шакалов. Для защиты от них вокруг стада визгливых прытких свиней плотным кольцом строго подвигались большие, грубошёрстные собаки. И их тоже опасался Елизар. Но главная опасность была в другом: двое здешних бесноватых.

Именно в этом месте неподалёку от Гадара почти на берегу Галилейского озера с недавних пор объявились два наводившие на всех ужас человека; невесть откуда переселившиеся. Жить они себе выбрали место за городом в гробах-пещерках для мертвецов, вырубленных гадаринцами в известковых горных кручах. Бесноватые не одевали одежду и имён не имели. Многие гадаринцы говорили, что они им всем как Божье наказание за прельщение римской верой в бога Вакха и за дикое распутные празднества в его честь. Один, непомерно рослый, со свирепым рылом, которое постоянно судорожно кривилось в разные стороны, второй был меньше меньшего на своих коротких, кривых ножках, но бегал на них так резво, страшно быстро и цепко, что мог взлететь по скалистому откосу на самую вершину, поймать на лету грифа или загнать до изнеможения горного козла. Оба бесноватых были не по-человечески сильны: запросто могли свалить с ног разъярённого быка, для забавы

с хохотом скатывали в море большие прибрежные камни и ломали для забавы как спички гигантские хермонские дубы метров трёх в объёме. Там, где проходили бесноватые, мором умирал скот, а плодородные поля и виноградники непроходимо зарастали тростником. Людей, что приближались к ним, вскоре валили невиданные страшные болезни. Чаще всего покидали они этот мир, съеденные чёрными, сально сочащимися язвами. Или вся их кровь исходила прочь через уши и глаза. У некоторых несчастных от одного взгляда бесноватых навсегда останавливалось дыхание, а у женщин рождались дети с двумя головами или вовсе без рук и ног.

Каких только жрецов-заклинателей и колдунов не зазывали гадаринцы из разных мест Египта, Сирии и даже Индии, какие только могущественные заговоры не произносили тамошние знатоки тайных наук, – спасения не было.

«Злой дух, злой бес должен уйти... – корчась, хрипели врачеватели, разжигая по всему городу священные огни из змеиных шкур. – Злой дух смерти, злой демон должен уйти, Злой бог, злой страж должен уйти, «злое дыхание», «злая слюна» должны уйти. Все великие боги заклинают тебя, Сатана: уйди прочь!»

Ничто не помогало.

Поначалу находились смельчаки из местных, чтобы сковать бесноватых цепями и сбросить со скал в Галилейское озеро, но безуспешно. Бесноватые срывали всякие железные путы, точно нитки гнилые раздёргивали.

Тем не менее была какая-то неведомая мучительная сила выше их обоих: через неё они, почти не прекращая, днём и ночью оглушительно завывали и колотились в конвульсиях о камни до крови, ломая кости. Раны на них быстро заживали.

Елизар однажды видел, как они, обнявшись, плакали будто бы над своей бедственной судьбой, на которую их облекли некие таинственные бесы. Никто в Гадаре не сомневался, что в этих людей вселились демоны. Целый легион из тех, что люди шёпотом называют «духами смерти», «скелетами» или «дыханием смерти».

Никто из гадарян не решался проходить там, где устроились в могилках бесноватые. Только отца Елизара, каменотёса Гальята они сами, хрипя и кривляясь, обходили стороной. Само собой, до поры до времени... Был этот филистимлянин роста великого, способного в волнении заплести в косу корабельные гвозди, так что гадаринские эллины, евреи, сирийцы и даже римляне кто с восторгом, кто со злобой, называли его Голиафом.

«Пусть так... – гулко говорил им в ответ Гальят с высоты своего более чем двухметрового роста. – Но Давида среди вас нет! Всё бы вам развратные забавы греческие, игрища пьяные и безотказные шлюхи в языческих римских храминах!»

Так длилось годами. Многие жители покинули Гадарию из-за бесноватых. Оставшиеся не знали, на что и надеяться.

...В пятнадцатый год правления Тиверия кесаря, как назван тот в Евангелии от Луки, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод Антипа был тетрархом в Галилее и Перее, при первосвященниках Анне и Кайафе до Десятиградия дошла новость о появлении некоего пустынного Иоанна. Он будто бы после тридцатилетнего поста пророчесствует возле Солёного моря возле устья Иордана о близости Царствия Божьего. Которого он есть Предтеча, определённый Господом.

«Готовьтесь! – не уставал возвещать Иоанн. – Уготовайте покаянием Путь Господу! Порождения ехиднены! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Уже секира при корне дерев лежит!»

И был это год 28-й конца эпохи Второго Храма, когда каменотёс Гальят решил идти к Иоанну за заступничеством от бесноватых. Он надел в дорогу праздничные светлые одежды с позолотой, из тонкой верблюжьей кожи сапоги, наалаим, и взял инкрустированный посох из жёлтого ароматного сандалового дерева с оловянным навершием, который перед своей женой Симхой нередко с торжественной улыбкой называл жезлом Моисея.

Гальят многое мог себе позволить: он хорошо зарабатывал – почти все здешние скальные могилы были вырублены в известняке его сильными руками. Он же старательно добывал у подножия старого вулкана среди горбатых потёков застывшей лавы тёмно-серый базальт, каким гадаряне утепляли стены своих домов, сложенные из грубого плетня, обмазанного глиной с кизьяками, – коровьими лепёшками. За таким редким базальтом приезжали люди даже из Скифополя, Пеллы, Гераса, Филателлии и самого Иерусалима.

«Покайтесь! Господь приближается! – тревожа, волнуя Гальята, летели в сторону Гадара Иоанновы откровения. – Он идёт; Он придёт, чтобы царствовать над Своим народом, придёт, как Судия, с лопатою в руке, очистит гумно, будет веять Свою пшеницу и отделит зерно от соломы, пшеницу соберёт в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым. Он – спасение Божие, всякая плоть узрит Его!»

«У меня, конечно, свои филистимляньские боги... – настороженно размышлял Гальят. – Но они то ли состарились, то ли потеряли к нам всякий интерес из-за своих распрей?! Почему бы мне не познакомиться поближе с Иоанном? Вдруг его боги сильнее?..»

– Я паду на колени перед Иоанном, и он изведёт наших бесноватых! Собирайте меня в дорогу... – наконец решённо объявил он жене и детям. – Готовьте великую жертву вашему Яхве!

На другой день Гальят нежно обнял Симху, потряс поднятыми над собой руками и уверенно, с достоинством зашагал по склону, ведя под уздцы своего отменного, лёгкого на ногу рыжего мула, терпению и выносливости, а также добродушию которого не было предела. Гальят мог выбрать в своём стойле достойного арабского скакуна, но горными дорогами уверенней ехать на спине мула. Оттого курьеры и почтальоны, знавшие цену скорой доставке, особо ценили именно этот плод любви осла и кобылы. А если пересаживались, так только на верблюдов. Вообще-то у Гальята для дальней дороги была лучшая во всём Десятиградии ездая ослица, бухарская: быстроногая, шелковистая, с вихрастым смоляным чубчиком, на какую было бы не стыдно сесть даже самому Ироду, но у хозяина на ней, как ноги ни поджимай, пятки скребли дорогу.

Отца не было год или около того.

Погибла Симха, защищая семью от бесноватых. Сорвалась с обрыва, убегая от них с детьми. И это через день после того как ей было предложено стать переводчицей при самом Понтии Пилате, префекте Иудеи. Род Симхи по мужской линии шёл напрямую от колена левита Корея, двоюродного брата Моисея и Аарона. И хотя родным языком Симхи был арамейский, она умела хорошо, красиво говорить и на греческом, и на римском, том же сирийском. Только она ничего не хотела себе, и желала лишь одного: чтобы её старший сын Елизар, когда исполнится ему тридцать лет, был окроплён священным мирром, смешанным с жертвенной кровью, и стал левитом Ерусалимского храма. Пусть даже Елизар и не поднимется выше чем играть в дни праздников на «шофаре», роге барана, когда у алтаря будут совершаться жертвоприношения, быть певчим или почётным храмовым стражником. А может быть, всё-таки он станет казначеем? Как бы там ни было, она настойчиво учила его грамоте и математике. Вон ведь её двоюродный племянник Мелеагр Гадаринский, сын Эвкрата, родившийся здесь же, так-таки стал известным греческим поэтом. И, кстати, каждый раз при встрече настойчиво убеждал Симху, что у её старшего сына тоже есть все предпосылки занять достойное место на Олимпе стихотворцев. Но Елизар знал, что мама непреклонна: даже заранее на вырост купила ему ефод левита с тонкими золотыми нитями и хитон из тончайшего белоснежного дорогого виссона, а также белый тюрбан, белые штаны и длинный шерстяной пояс. Симха очень сожалела, что священникам и левитам не полагалось особой обуви во время службы: они исполняли свои обязанности босиком. Но зато как радовало её, что эти великие люди не могут жениться на блуднице или разведённой женщине!

Когда набежали бесноватые, Елизар был далеко за Галилейским озером: на зиму кедровые дрова заготавливал. Ему потом рассказали, что и умирая, мама мечтала, как её старший сын вместе с другими левитами будет петь в храме своим женственным светлым голосом, от которого ей почему-то так хочется умиленно, восторженно плакать: «Хвалите Бога в святилище Его, хвалите Его в небесах мощных. Хвалите Его за могущественные деяния Его, хвалите Его по множеству величия Его. Хвалите Его звуком шофара, хвалите Его арфой и киннором. Хвалите Его тимпаном и танцем, хвалите Его струнными мэйнами и свирелью. Хвалите Его цимбалами звенящими, хвалите Его цимбалами громкогласными. Всякая душа да хвалит Господа. Аллилуйя!»

Похоронив мать, Елизар решил искать отца и вместе с ним сразиться с бесноватыми. Его младших братьев и сестёр разобрали добрые люди.

При повороте дороги в сторону русла Иордана под раскидистым кедром гадаринские свинопасы грелись у костра. Тот уже почти прогорел, последние искры судорожно метались на утреннем ветру по чёрным, ещё жарким поленцам. Его зыбкий дым наискось длинно выстлался над приречной долиной.

Елизар вздрогнул: ему вдруг послышался близкий рык бесноватых. Это во сне громко подал голос вожак пастушьих собак. Поднял свою большую мохнатую голову, тупо посмотрел на подъехавшего к костру Елизара и снова откинулся, густо всхрапывая чуть ли не человеческим голосом.

– Сын Гальята?.. – полусонно проговорил один из свинопасов, поёживаясь под большим жёстким плащом.

– Да... – тихо сказал Елизар. – Еду отца искать.

– Правильно, сынок... Тебе нельзя здесь оставаться. Бесноватые рано или поздно и до тебя доберутся. Если уж они взялись какой род извести... – раздумчиво, твёрдо сказал другой, по всему старший среди пастухов, так как держался уверенно, почти властно, и говорил с достоинством. Звали его Исхак.: – Мы только что держали разговор про вашу семью. Правильная была семья... Нам всем горько, что такие беды навалились на вас. Особенно жалеем мы Симху. До чего же была она умная и красивая... И какая страшная участь выпала ей... Эти проклятые бесноватые!..

Исхак сурово оглянулся по сторонам. Ночи уже и следа не оставалось. По склону горы наискось юрким белёсым пятном подвигался в их сторону, тревожно повизгивая, отбившийся от стада поросёнок. Он словно тянул за собой всё удлинявшуюся на глазах тёмную полосу по густой траве, зеркально поблёскивающей созревшей тяжёлой утренней росой.

– Даже римские воины не хотят связываться с бесноватыми... – глухо сказал кто-то себе под нос.

– Люди говорят, твой отец ушёл просить у пророка избавления от бесноватых?.. – спросил у Елизара старший, Исхак, говоря умно, внушительно.

Елизар машинально поднёс руки к костру и стал их греть, потирая одну о другую.

Где-то далеко за рыжеющий при свете наступающего утра горой, там, где сейчас вызревало Солнце, вдруг хрипло, нескладно пропел петух. Всего на один раз его и хватило. Он умолк, как споткнулся.

– Да! – гордо сказал Елизар. – Отец хочет навсегда избавить нас всех от бесноватых. Я должен быть рядом с ним и помочь, если что.

Все у костра надолго замолчали. Было слышно, как вздыхают во сне собаки. Их очень много лежало вокруг. Все они были мокрые и поэтому какие-то отошавшие, так что совсем не страшные. Куда им против тех же бесноватых?

– Тяжело тебе придётся, – строго поморщился старший. – Ни меча у тебя нет на поясе, ни секиры...

– Я ими не умею пользоваться, – уныло усмехнулся Елизар. – Зато я очень хорошо знаю греческий язык.

– Вот-вот... – Исхак похлопал его по плечу и вдруг так резко щёлкнул своими грубыми сучковатыми пальцами, что все собаки тотчас вскочили на ноги, ошалело оглядываясь по сторонам и тревожно, звучно принявываясь, хлюпая носами. – Я тебе дам добрый совет: ты в Иудее на этом своём греческом не особо болтай, и обычаи греческие не обнаруживай. Палестинские Иудеи знаешь, как говорят? – «Учить детей греческому больший грех, чем кормить их свиным мясом». Кстати, насчёт харча... Что ты взял в дорогу?

– Ничего... – по-детски наивно вздохнул Елизар.

– Я не хочу, чтобы этот мальчишка умер по дороге от голода, – строго сказал своим товарищам старший свинопас. – Вдруг его отец в самом деле найдёт пророка Иоанна и тот согласится изгнать бесноватых? Надо помочь сыну уважаемой Симхи.

На прощание свинопасы насыпали в мешок Елизара жареные зёрна, положили испечённые на раскалённых камнях увесистые лепёшки из тонкой сирийской муки, сладковатый, сытный овечий сыр, инжир, а также щедро прибавили три копчёных на густом грушёвом дыму и матово лоснившихся жиром больших семикилограммовых дивных рыбин, усачей. Были это крупные тилапии из озера Галилейского, где они в основном и водились.

– В какую сторону ехать знаешь-то?.. – негромко спросил Елизара старший. Возможно, он опасался, чтобы бесноватые не подслушали их и не бросились следом за Елизаром. Им ничего не стоило догнать даже лошадь.

– К Солённому морю... – строго поджал губы Елизар.

– Будь осторожен... – старший аккуратно положил руку ему на плечо. – Дорога туда идёт вдоль русла Иордана. А он в этом году очень беспокойный. Не всякая птица решается охотиться за его рыбой. Говорят, на днях Иордан так разбушевался, что поглотил большой караван в Сирию. Его берега сейчас очень опасные. А в пещерах немало разбойников.

– После наших бесноватых я никого не боюсь... – простодушно проговорил Елизар.

– Езжай с Богом... Прощай... – глухо сказал Исхак и резко захлопал в ладоши, поднимая для работы ещё дремавших свинопасов и собак.

Мягко покачиваясь на аккуратной, заботливо ступавшей ослице, Елизар долго слышал у себя за спиной загрохотанный, нетерпеливый лай псов. Как видно, они так старались, оправдывая готовящуюся им еду: разбуженные свинопасы обливали для них вызревшим, бурным кипятком мясные кости, шкуры и жилы. Слащавый мерзкий для иудея поросячий запах свиного варева, смешанный с пряным дымом разыгравшегося вёрткого костра, ещё долго тянулся вслед за Елизаром. Тем не менее это была словно нить связующая с родным домом. Последняя нить.

Елизар сосредоточенно, глухо вздохнул.

Нижний Иордан, змеисто извилистый после Галилейского озера, тем не менее встретил его сейчас водами покойными и даже словно бы радостными: он празднично переблёскивал во всю свою ширину мелкими яркими искрами, лишь на отмелях ненадолго меняя ласковый зеленовато-серый цвет на угрюмо-рыжий. Точно радуясь появившемуся человеку, из реки высоко подпрыгивали большие игриво-гибкие рыбины, подманивая строго-медлительных суровых орлов. Здешняя базальтовая дорога длиной в неделю пешего пути до устья была за тысячелетия отполирована копытами навьюченных верблюдов, мулов и лошадей. Именно по ней можно было дойти до загадочного Солёного моря, будто бы в своё время поглотившего густыми ядовитыми водами нечестивые Содом и Гоморру, испепелённые молниями Бога. Там, на берегу, если верить разговорам, поныне стоит жена праведного Лота, сделавшаяся окаменевшим соляным столпом. А едкая солёность этого моря, проваливающегося год от года под землю в Царство мёртвых, – от слёз, какие грешники проливают над своими посмертными страданиями. Так говорила Симха маленькому Елизару.

При всём при том сверху, на подходе, Солёное море смотрится очень красиво, словно гигантский малахитовый перстень в оправе красно-буро-оранжевых гор. Будто бы его обронили здесь творившие эти края боги-великаны, которым были по щиколотку даже самые высокие в израилевых землях холодные Хевронские горы.

Когда Елизар был ещё ребёнком, Симха рассказывала ему, что из тех мест привозят летом в Тивериаду и в Иерусалим для удовольствия пирующих смёрзшийся подслащённый, пропитанный вином снег. И она однажды ела его, морщась от ломоты в зубах, когда ей довелось быть переводчицей на пиру, устроенном во дворце префекта Иудеи Понтия Пилата, безжалостного, упрямого и развратного старикашки лет сорока. А потом, засмеялась, Симха, у неё долго болело горло. И не у неё одной. Только почётные гости Пилата, какие-то видные люди из далёкой северной страны, то ли Галлии, то ли Британии весело ели тот снег пригоршнями и ничего с ними не случилось.

По обеим сторонам Иордана топорщились горные кряжи: на склонах ни травинки, ни самого захудалого кедра или дуба. Точно он вступил в царство мёртвых. Елизар невольно чувствовал себя одиноким, ничтожным и ненужным этому миру. Не было, казалось, более безрадостного зрелища, чем эти древние, устало распластавшиеся горы. Казалось, что это окаменевшие волны океана, некогда тяжело, властно лежавшего здесь от горизонта до горизонта.

Лишь иногда на пути Елизара объявлялись зелёные холмы с редкими малорослыми оливами, кипарисом или диким виноградом.

День был во второй половине, когда Елизар остановился, приглядев возле подножия горы более-менее прохладную тень.

Только принялся он со вздохом развязывать свой походный мешок, как неподалёку раздался тонкий нежный высвист. Как будто бы соловьиный.

В это время эта птичка ещё подаёт голос. Правда, длится такое совсем недолго. Зато её пение ни с какой другой птахой не сравнить. Даром что с виду она более чем скромна и не имеет в своём одеянии ни одного более-менее щегольского пера. Но как вдруг озорно, разлиvisto просвистит своё «фьють-фюить» да украсит его звонкими задорными щелчками, так и веселеет, загорается душа. Симха говорила, что настоящая родина соловьёв в далёких северных краях. Где-то в землях неведо-

мых славянских племён венедов, склавинов и антов. И будто бы эти птицы возвращаются туда вить гнёзда да такие рулады-коленца при этом раскидывают по ночным лесам, такой яркий перезвон лихо затевают в неуёмном соревновании друг с другом, что самые заматерелые в боях славянские воины вдруг растерянно обнаруживают, откуда у человека истекают слёзы.

И всё же звук, который сейчас услышал Елизар, был искусным голосом тростниковой флейты. Он то бархатно густел, то становился пронзительно острым или загадочно постанывал на живой трепетной ноте. Эта дудочка словно хотела что-то рассказать ему, в чём-то убедить его...

Елизар вскочил и огляделся.

Звук будто шёл от самой горы. Он разглядел, что в её белой известковой плоти на большой высоте вырублена пещерка, чем-то напоминая могилы, которые готовили в скалах гадаряне для будущего упокоения себя и своих родных. Кажется, оттуда и доносилась вёрткая волшебная мелодия.

Вдруг из пещерки, точно птица из берегового гнезда, выглянула девушка. Засмеявшись, она бросила вниз узловатый канат и быстро скользнула по нему к подножию. Оправила раздувшуюся синюю юбку, подтянула на затылке белый платок и глянула на Елизара дерзко, хотя, в то же время, радостно. Глаза у неё были ярко-голубые, как у белых коз со светлой кожей.

– Рахель! – весело назвалась она.

– Ты – самаритянка? – нахмурился Елизар.

– А как ты догадался? Гляжу на тебя свысока? Это так мне полагается. Потому что я вон где живу! А ещё наша храмовая гора Грзим выше вашего Иерусалимского святилища!

– Пусть так... – нахмурился Елизар. – Скажи лучше, здесь не проезжал очень высокий и широкоплечий всадник на рыжем муле?

Рахель резво улыбнулась, как искрой пыхнула.

– Да, я видела твоего отца. Нельзя не запомнить такого великана!

– А ты откуда про нас с ним знаешь?.. – оторопел Елизар.

– Я знаю гораздо больше... – строго проговорила Рахель. – Скажем, как Господь наказал бесноватыми гадарских языческих распутников...

– Моя мама была достойной женщиной... – тихо сказал Елизар. – Вот какой молитве она меня научила: – Прости нас, Отче наш, ибо мы согрешили. Отпусти нам, Царь наш, ибо мы провинились, ведь Ты отпускаешь и прощаешь! Благословен Ты, Господи, умолимый, многопрощающий.

– Твоя мама слышит сейчас тебя и умиляется... – аккуратно вздохнула Рахель. – Она по-прежнему очень мечтает, чтобы ты стал левитом.

– Ты говоришь как всевидящая гадалка... – нахмурился Елизар. – Или чародейка.

– Я прорицательница...

– Что это такое?

– Я сама не могу толком объяснить...

Елизар машинально поглядел вверх, где над ними сдержанно, строго разворачивался большой, тяжёлый белоголовый сип, – с каким-то недовольным болезненным клёкотом и шипящим присвистом.

Елизар брезгливо поморщился: ему были отвратительны все птицы, жравшие падаль, но особенно эта с такой длинной змеиной шеей.

– Я найду отца?.. – осторожно спросил Елизар.

Рахель задумалась, закрыла лицо руками и что-то прошептала.

– Вижу... Как тебя сейчас... Он у Иоанна... У Иоанна Пустынника... В Вифаваре. Всё, какая-то пелена... Точно серебристая ширма у меня перед глазами... Крещение какого-то Иисуса... Я ничего не понимаю... Мне словно кто-то не даёт сейчас видеть будущее... А когда я пытаюсь, мне становится больно!

– Никакая ты не прорицательница... Хватит ерунду выдумывать, – безобидно усмехнулся Елизар. – Давай я тебя лучше финиками угощу! Ты вообще-то хочешь есть?

– Очень... – смутилась Рахель.

Елизар уверенно и деловито, как настоящий мужчина, снял с ослицы свой походный мешок и принялся с удовольствием выкладывать припасы гадаринских свинопасов.

– Их уже нет в живых... – вдруг глухо сказала Рахель. – Их убили ваши бесноватые. Они гнались за тобой... Да поздно спохватились.

– Я тебе не верю, – поморщился Елизар. – Так что не порть аппетит ни себе, ни мне.

Рахель на прощание хотела дать Елизару заговорённый от бед и напастей жёлтый зуб детёныша бегемота, но он отказался. Будущему левиту не полагалось верить в магию. К тому же мама говорила, что бегемоты происходят от свиней, а это нечистые животные.

– Тебе сделать в дорогу для питья вино с водой? – молитвенно сложила перед собой ладони Рахель.

– Я привык, как римляне, пить воду, разбавленную уксусом, – строго нахмурился Елизар.

Как бы там ни было, ему почему-то было грустно расставаться с Рахель. И чтобы заглушить в себе эту неожиданную томящую тоску, какой он до сих пор ещё ни разу не испытывал, Елизар начал громко читать молитвы. Правда, это полагалось делать стоя или, в крайнем случае, на корточках, а не сидя на тёплой уютной спине молодой резвой ослицы, но он решил, что путнику Господь такое отступление от правил простит.

Как бы там ни было, дорога отвлекла Елизара, и он повеселел. Впереди была Перея, и чем ближе он подъезжал к этому городу, тем зеленее и радостней становились холмы, тем чаще попадались большие пастбища. Но по-настоящему захватило у него дух, когда дорогу Елизару запрудили большие торговые караваны. Иные – до двадцати навьюченных товаром высоких верблюдов, размашисто шагавших, смачно пофыркивая, кто в Гадару, кто в Капернаум, Вифсаиду, Тивериаду или Дамаск. Своими длинными гибкими шеями они чем-то напоминали Елизару гигантских грифов, правда, не имеющих возможности летать.

Несмотря на тяжесть пути, на женственных бровастых мордах верблюдов блуждали какие-то загадочные высокомерные улыбки. Отрывисто покрикивали погонщики, хохотали охранники, суетились, взбрыкивая, маленькие верблюжата и ослики, мулы и даже совсем никудышные слабосильные лошадки. Иногда шли караваны с музыкой, с пением, правда, чаще заунывным, нагонявшим на Елизара горячую, мутившую взгляд печаль. Рыжие, серые и белые верблюды, одни почти голые, иные, в основном двугорбые, с обвислыми кучерявыми бакенбардами на шеях, – какие с тюками, какие с кибитками или всадниками, – все как один, несмотря на свою неказистую внешность, вышагивали с царственным достоинством. Некоторые так вовсе с надменным презрением ко всему, кроме собственной персоны с комичными губами: то смеющимися, то сердитыми, то угрожающими или надменными. Вдоль караванного пути мелькало множество жителей окрестных селений с большими плетёными корзинами – эти люди с утра до вечера собирали усеявшие дорогу между холмами на многие десятки солдатских римских миль сухие шарики блескучего угольного цвета – верблюжий помёт, лучше и удобней которого нет топлива для домашней печи.

В этот вечер Елизар хорошо усвоил, что такое густой пенистый плевок верблюда и можно ли он него увернуться, если ты даже достаточно проворен.

В горах ночь наступает быстро. Елизар этого не знал, поэтому устроился спать уже в темноте. Хорошо ещё, что в этом месте между гор оказалась достаточно глубокая ложбина, чтобы защитить от копыт лошади или верблюда какого-нибудь запоздалого путника или взявшегося за своё дело разбойника.

Дорога затихла. Правда, где-то неподалёку расположился караван: было слышно, как его верблюды, прежде чем заснуть, смачно дожёвывают жвачку, а погонщики о чём-то неугомонно спорят у костра. Один раз Елизару показалось, что он уловил в их дерзких криках имя «Иоанн».

Елизар вздохнул: не тот ли это пророк, за помощью к которому отправился отец?

Лёжа на спине под большими и словно бы любопытными звёздами, думать о чём угодно было приятно, радостно. Это Елизар давно знал. Все мысли тогда кажутся особенно глубокими и значительными. Он всегда любил смотреть на вызревшие звёзды. Но таких огромных и ярких как здесь даже на их холмистом Гадаре Елизар никогда не видел.

Палестинское небо располагает к сосредоточенности...

Звёзды казались живыми, и словно бы шевелились. Было такое впечатление, что они рады Елизару и приветливо тянутся к нему своими мерцающими блескучими лучиками.

Вдруг вспомнив, как мама иногда ночью поднималась вместе с ним на крышу их дома и рассказывала ему о небе, он почувствовал на глазах лёгкий слёзный холодок. Симха так вдохновенно, так бережно объясняла Елизару, что небо есть твердь, стоящая на двенадцати колоннах по числу колен

Израилевых... А звёзды, Луна и Солнце прикреплены на ней. Они даны людям для знания знамений Бога и счёта числа дней их бральной жизни.

Елизар слушал маму уважительно, но ему не верилось, что звёзды не живые. Они больше напоминали ему забавных паучков, ткущих небесное полотно.

Пока в Гадаре не объявились бесноватые, они с мамой, бывало, взбирались даже на вершину холма, где стоял огромный римский мраморный амфитеатр, и здесь на белоснежных ступенях было особенно удобно разговаривать со звёздами. Отсюда они казались такими близкими, что Елизар украдкой от мамы не раз пробовал сорвать с неба, как персик с дерева, хотя бы одну из них. Казалось, достаточно ещё чуть-чуть стать выше на цыпочки, потянуться – и вот она уже у тебя в руках. Но звёзды всегда ускользали...

Елизар вдруг, как защищаясь, вскинул перед собой руки: над блескучими зубцами горных вершин всплыл оранжевый шарик, похожий на покотившийся по небу апельсин. Ничего подобного Елизар никогда не видел. Шарик не спеша подвигался между звёзд, словно проверял, всё ли там с ними хорошо, все ли они на положенном им месте. А ещё это было похоже на сосредоточенный полёт строгого шмеля, деловито собирающего с цветков сочный нектар.

– Эй! – глухо вскрикнул Елизар. – Ты ангел?! Кто ты?! Отзовись!!!

Кажется, какой-то смутный гул послышался в поднебесье, словно тяжёлые раскаты далёкой грозы. Но не более того. «Оранжевого Ангела», кажется, совсем не интересовали ни лежавшие внизу горы и города, ни тем более устроившийся на ночлег на придорожной пыльной траве какой-то там мальчишка Елизар с заплаканным лицом.

«А вдруг это Рахель?.. – вздрогнул он. – Она же, кажется, прорицательница... Значит, колдунья. Вот и прилетела на меня посмотреть...»

Елизар почувствовал, что думать о Рахель ему даже приятней, чем об устройстве небесной тверди. Он вдруг радостно решил, что когда отец найдёт Иоанна и тот согласится изгнать гадаринских бесноватых, он заберёт Рахель к себе и станет её мужем.

Это Елизар уже додумывал во сне, который незаметно стал продолжением яви.

Во сне он смеялся. Смех был совсем детский.

Из долины доносился тонкий, плаксивый вой шакалов. По ночной прохладе большие стаи крупных, сильных птиц, как видно серых журавлей, шумно летели через земли Израилевы в сторону Великого, или Среднего, моря, которое отец Елизара называл по-своему – Филистимским, а ещё – Последним.

Утром Елизар, только приоткрыв глаза, испуганно вздрогнул. Нет, не утреннее Солнце пыхнуло ему в лицо. Он не узнал того места, где вчера устроился ночевать. Вокруг настоящими горами мяса лежали верблюды, блаженно развалив свои горбы, налитые густым жиром; ходили шумной пёстрой толпой неизвестно откуда взявшиеся люди в хитонах, халатах, нелепых накидках, ещё и говорившие на разных языках. Кто-то был из Галилеи, кто-то из Десятиградия, Греции или Финикии, потом же Сирии, даже Персии. Неподальёку у старых, иссыхающих дубов на привязи беспокойно стояли, взбрыкивая, всхрапывая, лошади, ослы и мулы.

Елизар поначалу так растерялся, что готов был поверить, будто под покровом темноты некие демоны подхватили его и перенесли в неведомые края. Как бы в караван-сарай, какие служат стоянкой и кровом для путников. Вполне может быть, что в этом хитром и коварном предприятии, устроенном тёмными силами, не обошлось без особого участия прекрасной Рахель. И может быть она даже сейчас где-то здесь, но только скрывается до поры до времени.

Елизар встал, смущённо отряхиваясь.

– Доброе утро... – поклонился он на все стороны.

Никто не обращал на него внимания. Он же, напротив, вглядывался в каждое лицо. Нельзя было не заметить, что у всех путников имелось одно общее выражение: непонятная ему восторженная радость и словно бы предощущение некоего близкого, заветного чуда. И в этой суетливой, спешащей толпе часто звучало слово, которое Елизар понимал на всех здешних языках и наречиях: арамейских, греческом, филистимском и даже латыни. Это имя было «Иоанн». Все произносили его с особым волнением, с особым восторгом.

– Как поживаешь, парень? Ты тоже идёшь к Окунателю, как и все эти добрые люди?! – вдруг крикнул Елизару одетый бедуином молодой безбородый мужчина. Он низко склонился к нему

с небольшого, но вёрткого аравийского ярко-рыжего скакуна с влажными чёрными ноздрями, ловко выщёлкивающего копытами, – и дружески коснулся плеча.

«Окунателью?.. – озадаченно смутился Елизар. – А кто это?»

Елизар с трудом, но узнал всадника: его, измождённого, спавшего с лица, в позапрошлом году слуги аккуратно приносили на носилках к их дому в Гадаре, и отец дорого продал ему пахучий смолистый галаадский целебный бальзам. Только Гальят знал, где тот можно добыть по весне. Дело это было непростое и опасное. Он забирался высоко в горы, и в тот раз едва не погиб, вскарабкавшись на вершину скалы с ножом в зубах к распустившемуся душистому бальзамному дереву, усеянному мелкими белоснежными цветами.

«Наверное, бальзам всё-таки помог!..», – с радостью подумал Елизар.

– Я иду искать своего отца... Его зовут Гальят, – тихо сказал он.

– Гальят из Гадара? Я перед ним в большом долгу! – крикнул мужчина с желанием, чтобы его услышали многие. – Он поднял меня со смертного одра!

– Кто тебя излечил, Иоанн?! – бросились к нему люди с разных сторон, толпой оттёрли от Елизара.

– Хочешь, я подарю тебе коня?! – крикнул тот уже издалека. – Не пожалеешь... Добрый конь! Выносливый!

– Всякая душа да хвалит Господа... Благодарю Вас, у меня добрая ослица... – Елизар сдержанно поклонился, настороженно поглядывая на двоих мужчин, одетых в белые туники, поверху прикрытые сагумом, – коротким шерстяным солдатским плащом. Судя ещё и по их сапогам на прочных ремнях, это могли быть римские легионеры.

– Как знаешь! – помахал всадник. – На всякий случай запомни: я – Аполлос из Александрии, и держу путь навстречу Учителю!

– Иоанн! Иоанн!! Иоанн!!! – нестройно вскричала толпа.

– Его зовут Христос!!! – перекивая всех, гордо возвестил Аполлос.

«Иоанн... Христос... – напрягся Елизар. – Не пойму... Это разные люди или один человек с разными именами? Да какая мне разница... Я простой человек, и не хочу ни во что вступать. Я ищу отца! И мы отомстим бесноватым! А потом я стану левитом, женюсь на Рахель. Если она оставит играть в колдунью. И мы вырастим с ней моих младших братьев и сестёр, а ещё больше наших общих детей».

Елизар вздохнул, усаживаясь поудобней на спине своей напряжённо ожидавшей его ослицы.

Когда едешь горной дорогой, всегда испытываешь такое ощущение, что она вот-вот оборвётся, стиснутая мощными каменными уступами. Они громоздко надвигаются, нависают со всех сторон всё ниже и ниже, и кажется, что путь перед тобой вот-вот окажется закрыт. Елизар слышал, что в некоторых местах над пропастью здешние тропы становятся так узки и обрывисты, что сошедшимся на них путникам, чтобы продолжить путь, приходится меняться друг с другом лошаадьми, ослами или верблюдами. Поэтому, оказавшись возле такого места, надо громко петь или разговаривать, чтобы предупредить и вовремя остановить идущих тебе навстречу.

Елизару повезло: он не только счастливым образом миновал такую «тропу смерти», словно это Рахель стала его заботливой берегиней, но вскоре, за очередным перевалом, горы уже начали заметно понижаться, как бы уходя, утопая в земные глубины.

Открылись во все стороны уныло уходившие далеко за Иордан покатые бежевые холмы с блескуче зелёными, словно сияющими рощами кипарисов, сосен, древних дубов и ещё более древних смоковниц да олив.

Наконец десятиградские края остались за спиной, начались Перейские земли тетрарха Ирода Антипы. Вскоре Елизар уже подъезжал к Пелле, издалека видной на холме. Со всех сторон города, как когда-то рассказывала Симха, проблёскивали топкие непроходимые болота, поросшие тростником и ярко-жёлтой кубышкой. В некоторых местах, выглядывая лягушек, жаб и ужей, бродили пеликаны. Мама, помнится, говорила Елизару, что Пелла была столицей Древней Македонии, и здесь любили жить великие греки: поэты, художники и философы. Имён всех она не помнила, но в одном была точно уверена – в Пелле похоронен сам великий Еврипид.

Тем не менее в город Елизар заезжать не стал. Тот показался ему безжизненным, мёртвым. Это ощущение усиливали руины здешней крепости и городской стены, оставшиеся после недавнего землетрясения.

Как-то через день-другой пути, проснувшись утром, он вдруг оторопел: веками протоптанные между гор и холмов караванные пути стали словно бы живыми реками – так плотно по ним шли и ехали люди, как охваченные единой и какой-то заполошной торопливостью. Елизару не раз приходилось со стороны наблюдать большие толпы народа и находиться среди них. В том же его родном Гадаре в амфитеатрах, когда приезжие греческие актёры ставили пьесы или римляне устраивали гладиаторские бои. Но в этих людях было что-то особенное, яростно-восторженное и надрывное до иступления. Видеть это было почему-то страшно. Притом вся эта людская мешанина, суетливо струящаяся по горам и холмам, подвигалась молча. И это её сосредоточенное суровое безмолвие, лишь изредка прерываемое ржанием лошадей или грохотом камнепада, было почему-то словно громче самых душераздирающих криков.

Невольно подхваченный этим напористым суетным потоком, Елизар вдруг взволнованно понял, что вокруг те самые люди, которые одержимы стремлением увидеть Иоанна и принять от него священное крещение: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!» Он ещё никогда не видел столько людей, хотевших одного и того же: пропуска в Царство Божие на земле, какое им мог дать окунанием в мутно-жёлтой иорданской воде Предтеча. Казалось, они сейчас в своём стремлении обрести некогда утерянный прародителями Рай способны повернуть вспять реки и разрушить горы. И ничто не способно их остановить, ничто не способно переменить их настроение.

Было страшно стать частицей такого бесконечного людского течения. Словно слившись с ним, ты навсегда перестанешь быть собой или даже вовсе исчезнешь.

В первые минуты, оказавшись в таком лихорадочном потоке человеческих тел, ослица Елизара впервые за всю дорогу проявила норы и напряглась, надолго прикинувшись оцепеневшей от робости.

Столько народа здешние земли Израилевы знавали разве что накануне праздника Пасхи. По крайней мере, если судить по воспоминаниям Симхи, которая не раз бывала на этом священном празднике в Иерусалиме. Тогда город не вмещал всех жаждущих крещения. Большинство их останавливалось в предместьях и караван-сараях или во множестве ставили на склонах палатки, издали восторженно любуясь беломраморным иерусалимским Святилищем, ослепительным, как Солнце, и похожим разве что на крепость Бога.

Елизар скинул с себя шерстяную накидку, опустился на колени, и, раздвинув густой жёсткий тростник, торопливо окунул лицо в реку. Елизар долго, азартно пил, пофыркивая, как верблюд. Отрывался, с улыбкой, щурясь, – оглядывался по сторонам, и снова взаклёб глотал воду.

Он уже давно утолил жажду, но никак не мог остановиться. Эта тёплая, пахнущая глиной иорданская вода на самом деле была необыкновенно вкусна.

Священные воды Иордана...

– Приближается Бог, приготовьте Ему путь, покайтесь... – раздался над ним сдавленный, утомлённый голос. Кажется, тот сделался таким оттого, что в течение дня ему приходилось слишком часто произносить эти слова. Тем не менее в нём не чувствовалось и малой толики усталого равнодушия.

Роня брызги с лица, Елизар обернулся.

Над ним стоял молодой бородатый мужчина в грязно-рыжей накидке из жёсткого верблюжьего волоса, подпоясанной очень широким мокрым до черноты от пота кожаным поясом – свидетельством постоянного пребывания в труде и усмирении плотских страстей. Елизар помнил, что в своих рассказах о пророках древности мама не раз описывала, что на них была именно такая перевязь, которая, как и грубые одежды, причиняла постоянные неудобства и страдания. Но ради претерпевания оных, они во всё это облачались сознательно, невзирая на причиняемые таким одеянием язвы.

Елизар судорожно вздрогнул:

– Ты – Иоанн?..

– Я – Аврум... – глухо рыкнул мужчина. – А тебе нужен Иоанн? Какой Иоанн тебе понадобился?

Елизар напрягся.

– Вообще-то мне нужен мой отец. Мой отец, Гальят из Гадара. Он хотел избавить наш город от бесноватых. Год назад отец ушёл искать помощи у Иоанна. Окунателя. Так назвал его Аполлос из Александрии.

– Ты знаешь этого человека?.. – презрительно нахмурился Аврум. – Я бы на твоём месте не очень

доверял ему. Он двуличен и пытается быть хорошим как для нас, учеников Иоанна, так и для учеников Христа. Нельзя Великого Пророка унизительно обзывать «окунателем» или «полоскателем», а то и «пожирателем печёной саранчи», как позволяют себе мерзкие саддукеи!

Аврум излил душу и дружески подал Елизару сильную руку. Такие разве что бывают у каменотёсов или кузнецов, и такая была у Гальята. Хотя, честно говоря, мощней рук Гальята просто не бывает. Иначе бы его не прозвали Голиафом.

– Ступай за мной... – устало усмехнулся Аврум. – Я приведу тебя к твоему отцу. А по дороге лучше помалкивай насчёт Христа, чтобы не навлечь на себя гнев учеников Иоанна.

– Почему? – наивно смутился Елизар.

– Тебе рано это знать... – напряжённо проговорил Аврум. – Ты не поймёшь, пока не поживёшь с нами.

– С кем с вами?

– Я ученик Великого Пророка Иоанна... – строго вздохнул Аврум. – И нас таких много. Нас более пятисот человек. И твой отец среди нас. Пророк крестил и крестит тьму народа. Тысячи тысяч! В духе и силе Илии! И Христа крестил, и Андрея, и Иоанна... Которые оба теперь предательски отбились от нас и стали ходить только с Назарянином...

Аврум напряжённо задумался, скрутив бороду в тугую рыжую косичку.

– Ни стыда ни совести у них!.. Ученики Иисусовы стали в открытую бессовестно отнимать у нас хлеб праведный... Наверное, у их казначея совсем опустел кошелёк! В общем, они наладились тоже крестить народ в Иордане. Да только бестолково, без Иоанновой суровой строгости. У него люди с воплями исповедают свои грехи и в знак покаяния с рыданием окунаются в Иордане. А ученики Христа всё это тщатся повторить, но нет у них ни Иоанновой праведности, ни его силы увещания! Но при этом они не стыдятся называть себя ловцами человеков! Только к ним мало кто идёт... Народ чувствует Иоаннову истинность!

Вдруг его взгляд машинально остановился на каких-то людях на отмели в том самом месте, где впервые вступил Израиль в Землю Обетованную. Было тех человек шесть или семь. Одни в лёгких простых хитонах, у других нарядно блистали золотые украшения и драгоценные камни. Однако большая часть стояли нагишом, даже редкие здесь женщины. Кажется, они тоже готовились войти в воду, собравшись кучкой у воды. Слышались молитвы. И чей-то покаянный плач. Какие-то молодые мужчины, человек пять, облепленные мокрыми белыми рубашками до пят, заботливо, неторопливо выстраивали этих людей небольшими группами и с пением, слов которого было не разобрать, торжественно вели их к воде.

Елизар наблюдал это с каким-то непонятным особым волнением.

– Это ученики Иисуса соблазняют народ креститься у них... – напрягшись, проговорил Аврум. – Гиены проклятые. Я бы давно их разогнал, но наш Иоанн, когда не надо, становится жутко легковёрный... Как дитя малое! Он вбил себе в голову, что недостойн даже развязать ремень обуви у Назарянина. И долго отказывался его крестить. Мол, это он должен у него креститься!

– А Иисус тоже там?.. – тихо, точно сам себя, спросил Елизар.

– Не видать как будто... – усмехнулся Аврум, дерзко взглядываясь в противоположный берег. – Наверное, опять направился куда-то со своими проповедями. Хлебом его не корми – только дай внушать людям всякую нелепицу, чтобы только они называли его Сыном Божьим!

К Вифаваре шли долго, – солдатскую римскую милю, а то и две, – глиняными скользкими тропками сквозь мрачное сплетение низкорослых, почти непроходимых плакучих ив, терновых зарослей и шипастых многоголовых кактусов. Иногда перед ними вдруг вырастали многометровые зелёные стены лохматого папируса, похожего на заколдованных сказочных человечков. И тотчас объявлялся от их корней нежный усыпляющий запах миндаля. В зарослях то и дело резко повизгивали выдры и заполошно, взмахивая щебетали по-птичьихи их детёныши. Но более всего удивили Елизара раскидистые пальмы с большими листьями-опахалами: на некоторых из них висели сочные гроздья когтистых бананов, таких непривычных всем своим видом для молодого гадарянина, выросшего среди северных сосен и дубов. Есть бананы ему иногда приходилось, когда маму приглашали в дома знатных гадаринцев, чтобы сделать перевод какого-нибудь важного документа или письма, но видеть, как они растут, – никогда.

Аврум всю дорогу раздражённо говорил и говорил, машинально ломая ветки на своём пути. Даже

если попадались толстые и колючие, это его не останавливало. Он как впал в какую-то напряжённую лихорадочную отрешённость и, кажется, то ли не видел уже капавшую с его ладоней кровь, то ли в горячке не придавал этому значения.

– Этот твой Иисус ох как любит из города в город таскаться да дураков искать, чтобы их облапошивать разными глупыми чудесами и невозможными выдумками. Я как-то специально пошёл за ним следом. Так вот в его словах ничего толком понять невозможно. Несёт невесть что. А в его родном Назарете так вообще срамота с ним получилась! Мне даже стало за него неловко. Он было начал людям что-то втолковывать про грядущее Царство Божие и что он есть долгожданный Мессия. И тогда тамошние книжники, – а они, поверь, далеко не дураки, люди учёные, – стали требовать от него наглядных чудес. Но он им дерзко отказал! Тут весь народ и понял – перед ними простой сын плотника Иосифа. И он их явно за нос водит. Одним словом, возмутились назаряне и изгнали Иисуса из синагоги. А самые разгорячившиеся, которые искренне ждали его как Мессию-избавителя, Мессию-Царя, яростно потащили сына плотника подальше за город: замыслили сбросить с горной вершины. Но такого я уже не стерпел. Они задумали для него наказание явно больше его вины. В общем, я кое-как смог уговорить их простить его... С помощью тридцати серебряников – всех моих тогдашних сбережений. А он мне даже «спасибо» не сказал...

Наконец открылась внизу широкая пойма по ту сторону Иордана и парусиновые палатки временного лагеря ионитов в местечке, исстари известном как Бет Абара, «Дом перехода», или Вифавара, покрытая душистыми оливковыми рощами, банановыми и финиковыми садами. Соловьи здесь такими вёртками россыпями да хлёсткими щелчками пыхали, что почти заглушали пение псалмов, доносившееся оттуда. К реке медленно подвигался людской поток, разделённый надвое – одни направлялись к Иордану, другие – возвращались. Казалось бы, между ними не должно быть никакой очевидной разницы, но она была. Первые только шли к Иордану для исповеди и омовения, так что в каждом из этих пришельцев были и опасливая напряжённость, и даже робость; обратно же они спешили вдохновенно и бодро. И так было со всеми, кто пришёл сюда: богатыми и очень богатыми, учёными и безграмотными пастухами, иудеями из разных земель, египтянами, сирийцами, германцами, греками, даже римлянами разных званий и должностей, а то и вовсе людьми никем не знаемыми, без роду и племени, языка которых никто не разбирал. Во всяком краю Иудеи, Самарии, Галилеи и в Заиорданье призывно звучало имя Иоанна Крестителя.

К Авруму и Елизару тотчас подошли большой толпой какие-то люди, явно хорошо знавшие друг друга. Все как один они были, несмотря на жару, в накидках из грубой овечьей шерсти и перетянутые взопревшими от пота толстыми широкими кожаными поясами, больше похожими на вериги. Это были ученики Иоанна. Накоротке отдыхая, они ждали свой час крестить в Иордане новоприсланных.

– Это Елизар из Гадара. Он ищет у нас своего отца... – устало проговорил им Аврум, тупо оглядывая свои окровавленные руки и словно не понимая, как такое с ними случилось.

– Мой отец Гальят... – тихо уточнил Елизар. – Год назад он ушёл из дома искать встречи с прококом Иоанном. Чтобы тот освободил наш город от бесноватых. Житья от них не стало никому! У меня мама через них погибла...

Аврум задумчиво оглянулся на стоявших вокруг него учеников Иоанновых, измученных строгим пощением и непрестанными покаянными молитвами, которые многие из них для большей страстности совершали, стоя на коленях на острых скальных камнях.

– Пока люди идут к нам креститься со всех концов Святой земли, мы не можем оставить их без исповедания. Ни мытарей, ни римских солдат, ни сборщиков дорожной подати и даже падших женщин... – строго склонил голову Аврум. – Пусть твои соотечественники наберутся терпения. Придёт черёд и ваших бесноватых.

– Им придётся очень долго терпеть! – вдруг крикнул кто-то из толпы. Елизар узнал Аполлоса: – Всякому по силам ниспослано Господом! Изгнание бесов дано только Иисусу. И, может быть, ученикам Его...

И как летучую искру обронил он в китайский порох:

– Отступники! Двуличные ехиднены! Ваш плотник не Мессия! Иоанн – истинный Христос! Он выше всех! Для чего ваш Сын Божий ест и пьёт с мытарями и грешниками?! Почему он переманивает наших людей? По какому праву его ученики едят и пьют в посты и субботу не соблюдают?!

Ученики Крестителя, как по чьей-то неведомой команде, разбежались на две половины, и, кажется, они обе были готовы немедленно пойти друг на друга. Самое малое – с кулаками. Кто-то размахивал над собой факелом, кто-то сторожевой дубиной. Воздух помутнел от пыли. При всём при том самым грозным оружием сейчас всё-таки были слова, которые летели от одной толпы к другой с такой яростью, что их вполне можно было принять ни ни много ни мало за греческий огонь, горшками с которым римские катапульты сжигают вражеские крепости.

На всякий случай Елизар отступил в гущу низко нависших больших листьев ещё молодой столетней смоковницы и здесь в мерцающей тени настороженно вслушивался в крики спорщиков. Уловить их настоящий смысл ему никак не удавалось.

И тут вдруг стало тихо. Пронзительно тихо, как в камнепад, когда с гор прыгуче слетит последняя глыба и её куски глубоко вонзятся в песок у подножия.

Ученики Иоанна, словно вдруг волной поверху накрытые, повалились на колени. Кто-то из них быстрым шёпотом уже читал покаянную молитву. Подхватив её, там, там и там ему глухо отозвались ещё несколько человек.

Соловьи вновь взяли верх над всеми здешними звуками. Их ядрёные трели обложили Вифавару со всех сторон, точно это был некий песенный штурм.

Но и они умолкли, когда какой-то средних лет человек устало, не спеша вышел на середину между только что взахлёб споривших людей. Взгляд у него был сугубо напряжённый, как будто нечто неразрешимое, крайне важное мучительно терзало его. Лохматая туника на нём, похожая скорее на мешок с дыркой для головы, была свалена из грубой, почти чёрной наружной зимней шерсти старого верблюда. Такая защитит не только в холод, но и спасёт в жару от перегрева. Конечно же, он, как и многие тут, был тесно опоясан жёстким кожаным сыромятным ремнём, снабжённым ещё и медными зеленоватыми шипами для нанесения самому себе нестерпимых ран. Это был смуглый иудей с лицом болезненно худым, с небольшой тёмной клочковатой бородой, но притом мальчишески пышно кудряв. В своих явно сильных, вернее, очень даже сильных руках он хватко держал заострённый железный лом, с каким, если требовалось, выходил в одиночку против бегемота, а в иную минуту просто служивший ему посохом. Подмышкой у него торчали медовые соты, похожие на очищенный от вызревших семечек подсолнух. По ним вёртко лазали яростно зудящие дикие пчёлы, явно не причинявшие ему ни малейшего беспокойства, разве что кроме обыкновенной щекотки.

Общий вид пришельца был неистовый и отчаянный. Это был Иоанн...

Обратив внимание на новичка, он едва уловимо улыбнулся, было протянул руку, чтобы отечески прикоснуться к плечу Елизара, но только вновь посуровел и сдержался.

Иоанн тотчас отвернулся и могучим разоблачительным голосом неистово рыкнул:

– Что за бедлам?! Среди учеников Иисуса разве случается такая драчка?! Сейчас же всех загоню в реку! И будете у меня до следующего утра каяться и омыwać грехи!

Вскинув голову, Аврум слёзно проговорил:

– Равви! До нас дошло известие, что Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал «се Агнец Божий», вот Он крестит, и все идут к Нему.

Иоанн отозвался неожиданно тихо, нежно:

– Иисус есть Христос... Это доказано писаниями. Это открылось мне... Разве вы не слышали прежде таких слов от меня об Агнце Божьем? Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба. Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. И сия радость моя исполнилась. Оттого следует нам всем идти к нему.

– Только всё равно мы почитаем тебя выше сына плотника... – строго, напряжённо проговорил Аврум, приподнявшись с колен, чтобы его слова стали для всех очевидными.

Вдруг он сделал глубокий вздох. Такой глубокий, что с треском полопались крепкие костяные застёжки на его одежде. Аврум строго улыбнулся и рыкнул во всю мощь:

– Ты тридцать лет провёл в Иудейской в пустыне в молитве и покаянии, а сын плотника – только сорок дней! Ты сын священника и родился от неплодной матери. Иисус же произошёл от незнатной девушки, воспитывался в обычном доме и носил обычную одежду...

В это время затрещали прибрежные ивовые ветки, и со стороны Иордана вскарабкался по прибрежному откосу на своём рыжем ушастом муле, нервно скользившем по здешней глине, каменотёс Гальят. Было похоже, будто большой жук подвигается верхом на муравье.

Елизар глухо вскрикнул и радостно сжал ладони перед собой, прижавшись к ним губами.

Гальят медленно въехал в середину толпы, перемахнул правую ногу через покорно замершего мула, и тоже стал на колени вместе со всеми.

Он склонился перед Иоанном, и хотя здесь, среди учеников, включая Аврума, было немало рослых мужчин, более чем двухметровый каменотёс возвышался над толпой. Точно посреди коричнево-красной мёртвой пустыни гора Джебель-Рам, с которой видно всю Иорданскую долину, и даже можно рассмотреть у горизонта мертвенный блеск Солёного моря. Когда-то с неё Господь показал умирающему Моисею Землю обетованную.

О таком своём росте Гальят любил ссылаться на Библию, в которой сказано, что исполины на земле появились с тех пор, как сыны Божии, увидев, что дочери человеческие красивы, стали входить к ним, и они стали рождать от них сильных, очень высоких и славных людей.

– Пора бы, братья, прекратить наши распри с учениками Христа... – твёрдо и в то же время смиренно проговорил как бы себе под нос Гальят-Голиаф, но все отчётливо услышали его.

Аврум поднял над собой большую, блиставшую живым серебром чашу для крещения младенцев, подаренную Иоанну тетрархом Иродом Антипой. Это было в прошлом месяце после тайного исполнения правителем Галилеи и Перее обряда окунания в водах Иордана. Повелитель тогда так проникся всем тем высоким, что произошло в его душе после покаяния, что долго плакал и несколько раз, стоя на коленях, жадно целовал руку Иоанна. Правда, всё это было совершено в зарослях бамбука не на виду у всех.

– Люди! – глухо вскрикнул Аврум прямо в лицо Крестителя. – Хватит нам скрывать правду! Мы, истинные ученики твои, почитаем тебя, Иоанн, Христом. Твоё крещение более свято и правильно, чем Иисусово. А кто из нас думает иначе, пусть уходят на все четыре стороны! Наша община без них не обеднеет. Только окрепнет! Так ли, братья?..

– Та-а-а-к!!! – вскипела одна из сторон.

– Тщеславные и гордые... – удручённо поморщился Иоанн и, кажется, лицо у него несколько приняло синеватый оттенок, как это бывает, когда бледнеют густо-смуглые люди. – Я крещу водою, – Христос крестит Духом! Он пришёл взять на Себя грехи мира! И ваши, глупцы, в том числе... И мои... Се Царь истинный. Ему должно расти, мне – умалиться...

Печально поморщившись, Иоанн хотел уйти. Только ученики так тесно обступили его, что он не смог тотчас укрыться в своей палатке. Пчёлы яростно мелькали над ним. Иоанн чувствовал, что какое-то перевозбуждение, какой-то надрыв развивается во всём, что окружало его. В своих многолетних размышлениях в Иудейской пустыне он верил, что принесёт этим и многим другим людям счастье и покой, однако всё вокруг предвещало обратное. Может быть, даже кровь.

В чём же ошибка? И кто её совершил? Он ли?..

Он криком кричал богатым, чтобы они смиренно кормили бедных; сборщикам налогов он яростно внушал: «Не берите больше, чем положено вам». Он наставлял воинов кротости: «Никого не обижайте и не вымогайте денег – довольствуйтесь своим жалованием». И всем каждый день настойчиво, исступлённо повторял: «Приготовьтесь к концу прежней мерзкой жизни, ибо приблизилось Царствие Небесное».

Возможно, он был слишком резок и прямолинеен?

– Покайтесь и смиритесь... – тихо проговорил Иоанн и удалился в свою палатку, со слезами на глазах слушая летевшие вслед ему крики: «Что он имел в виду?! Перед кем нам надо смириться?!»

Ученики долго не расходились. Разговор между ними снова пошёл по прежней стезе, словно и не было его, Иоанновых наставлений о том, кто есть кто из них двоих с Иисусом Христом. Они по-прежнему отчаянно ждут Мессию, который провозгласит Себя Царём Израиля, свергнет римлян и покорит евреям все народы земли. Однако, по их мнению, Иисус Назарянин и шагу не сделал на этом пути, если не напротив. Он общается только с бедняками и падшими женщинами. И, следовательно, он не может быть Мессией. Может быть, он даже и не пророк?..

Гальят в этом крике не участвовал. Он считал себя недостаточно образованным для подобных

высоких разговоров. Он вообще пришёл сюда не за Великим Царством Божиим, а по вопросу сугубо жизненному, даже житейскому – избавить свой город от бесноватых.

Он обнял сына и привёл к своей палатке. Узнав о смерти Симхи, Гальят не заплакал. Слушая, как это произошло, каменотёс лишь до крови искусал свои пальцы, твёрдые, словно древесина железного коричнево-чёрного дерева. Всю ночь он молчал, лёжа ничком. Гальят не спал. Кажется, он был занят непривычным и особо тяжёлым для него делом: Гальят о чём-то напряжённо думал.

Елизару снилась мама. Он тихо нежно плакал во сне. Так плачут только дети.

Рано утром Гальят поднял сына помогать крестить кающихся: заводить их в нужном месте в реку, подавать, кому потребуется, полотенца, читать молитвы, которые им дал Иоанн.

Даже ночью народ всё прибывал в лагерь, а учеников Иоанна осталось немного. Большинство из них в эту ночь, оставив свои вещи, припасы и даже деньги, – правда, тех было немного, денариев десять, – налегке тайно покинули лагерь. Они последовали за Иисусом.

– Может быть, эти люди ещё одумаются и вернуться? – осторожно проговорил Елизар. – Я бы никогда не оставил Иоанна...

– Не говори, чего не знаешь... – вздохнул Гальят. – Кто уходил к Иисусу, уже никогда не возвращается вспять... Один Аполлос бегаёт то к нам, то к ним. Первыми из наших ушли Андрей с Иоанном. И Креститель этому только радовался!

Прежде чем выбраться из палатки, Гальят машинально ударил кулаком по медному тазу для бритья и смял днище:

– А по тому делу, что меня сюда привело... Я тебе пока ничего хорошего сказать не могу. Как я ни надеялся, Иоанн не взялся изгонять бесноватых. Он так сразу и объявил мне, что это ему не по силам. Он всего лишь человек, хотя и пророк. И велел обратиться к Иисусу. Но я как-то всё не решаюсь...

– А почему ты не ушёл к нему сегодня ночью вместе с учениками? Из-за меня? – смутился Елизар.

– Рылом я не вышел быть среди учеников Бога... – хрипло проговорил Гальят. – Может быть, у тебя получится? Ты образованный. Зря что ли Симха тебя в левиты метила пристроить! А ещё, признаюсь, какая-то оторопь меня берёт от одного имени Иисуса. Да и неловко перед своими. Без меня они с голоду помрут. Кто добытчик мяса гиппопотама? Конечно, дядька Гальят!

Елизар опустил голову и прочитал молитву.

– Отец, хочешь утреннюю чашу вина с водой? Как мама тебе всегда готовила после сна?

– У нас вино строго запрещено... – усмехнулся Гальят. – погоди, Иоанн присмотрится к тебе недельку-другую, а потом наложит и на тебя очень даже суровые требования. После них все правила фарисеев покажутся забавой. Отдыхай. Набирайся сил. Мы, может быть, скоро пойдём охотиться на бегемота! И тебя возьмём, если не побоишься.

– Конечно! Я уже взрослый и сильный! – вскрикнул Елизар и замаялся. – Только мама говорила, что это нечистое животное...

– Во-первых, Гальята это не касается, – усмехнулся отец своей большой разворотистой улыбкой. – У вас, иудеев, своя вера, у меня, филистимянина, – своя. А потом знай: да, бегемоты чем-то схожи с очень большими свиньями, но на самом деле они родственны слонам, но более всего – китам! Хотя как твой отец, я, наверное, прикажу тебе вернуться домой, в Гадару. Здесь собираются грозовые тучи... Я чувствую, что вся эта заваруха без крови не разрешится. Римлянам не нравится, что Креститель и Иисус так возбудили иудейский народ.

– Я хочу всегда быть рядом с тобой... – глухо проговорил Елизар.

– Ладно, поспи пока...

Засыпая, Елизар смутно слышал, как Аврум возле их палатки настаивал перед верными учениками Иоанна броситься им в погоню и хорошенько проучить отступников, перебежавших в лагерь Назарянина.

Гальят вдруг впервые поднял голос, способный заглушить рёв бегемота, и объявил встревоженной толпе своё «нет». Никто не решился противоречить ему.

Хотели для верности услышать слово Иоанна, но нигде не нашли его.

Были люди, которые говорили, будто Креститель в огорчении оставил лагерь и один ушёл в сторону Иерусалима. Сторожакам он дал наказ, назначенный всем ученикам: «Я пробудил вас. Если нач-

нута гонения, достойно примите святое Крещение кровью». Они говорили, что он был как никогда строго печален, и будто бы от него даже пахло вином.

Как бы там ни было, в тот день до обеда действительно никто не видел пророка, а к вечеру Аврум за ужином строго объявил, что у него точные сведения: Крестителя ещё вчера вечером на окраине лагеря тайком схватили стражники тетрарха Ирода Антипы. Само собой, по приказу Рима. А им, ученикам, подкинули ложный слух.

Крещение в реке временно отставили. Вначале было объявлено новым поселенцам, что только до вечера. Но и на второй день никто из учеников Иоанна не подошёл к берегу Иордана. Было не до того. Гальят даже отложил намеченную охоту на бегемота.

Когда у реки с кувшином для воды появился Елизар, его едва не побили пришельцы, нетерпеливо ждавшие крещения. Вовремя подоспели Гальят и Аврум. Уже один их более чем внушительный вид мог остановить кого угодно.

В конце концов, большая часть поселенцев собралась домой. Одних арест Крестителя смутил, других насторожил, а иных взволновал и напугал. Как бы там ни было, без Иоанна многие из пришельцев потеряли веру в силу и праведность предстоящего им таинства в водах Иордана.

В эти дни пришёл в лагерь от Ирода человек, который тайно сообщил, что Учитель задержан римлянами и его действительно держат в крепости Махерон. Он предупредил, чтобы не было никаких попыток силой освободить Иоанна. Во-первых, в Махероне сейчас стоит римский гарнизон. Во-вторых, крепость, которую Ирод Антипа построил в Перее на границе с Набатеи-ским царством для защиты от арабов, поднимается на высоком скалистом холме почти на милю над мертвенной синевой Солёного моря. Это одновременно роскошный дворец и неприступная тюрьма.

Тем не менее, Аврум объявил, что надо немедленно готовиться к штурму Махерона; Аполлос уверял, что их сил недостаточно, а денег в общине на покупку хоть какого-то оружия – тем более. Он предлагал подождать, даже заключить союз с учениками Иисуса и готовиться к взятию цитадели совместно. Римские варвары не решатся сходу казнить Иоанна. Пусть Ирод Антипа – похотливый и мечтательный царёк, но всем известно, что даже для него Креститель пророк, если не сам воскресший Илия. К тому же Иоанн был назиром, а поднимать руку на посвящённых Господу никак нельзя. У него приняли крещение даже многие фарисеи и саддукеи. И сам тетрарх тайно принял крещение от Иоанна, потому что чувствовал угрызение остатков совести за то, что вопреки еврейским законам женился на жене своего брата Иродиаде.

Гальят был печально тих. Его любви к Иоанну было достаточно, чтобы, если потребуется, с мечом или тяжёлым кайлом придти ему на выручку. Хотя он, может быть, лучше многих понимал, что самый небольшой отряд римских легионеров даже лёгких пограничных войск легко сметёт своими боевыми порядками и тысячу, и две, и три учеников Иоанна и Христа.

Аврум рассудительно объявил, что им всем надо не отлагая идти к крепости Махерон просить показать Иоанна, и говорить с ним, и говорить с Иродом Антипой, чтобы расположить освободить Учителя.

И ученики его послушали, и радость охватила многих.

Не сразу, но согласился с ним и Аполлос. Только настоял не брать с собой ни явно, ни тайно никакого оружия. Против римских дротиков и коротких мечей им выставить нечего. Так что лучше не провоцировать легионеров Тиберия. И идти на переговоры не галдящей оравой, а составить, как это определено с недавних пор в римском праве, делегацию – скажем, из человек трёх. Его безоговорочно послушались. Аврум, чтобы подчеркнуть свои теперь без Иоанна высшие права в лагере, тут же назначил состав посланцев к Ироду Антипе. Назвал себя, сына Гальята Елизара, как хорошо знающего языки греческий и латинский, на котором говорили почти все жители Гадара, а последним вполголоса объявил-таки Аполлоса.

К Иоанну во дворце допустили лишь Аврума. Некоторые потом говорили, что он сам так построил. Только какой ценой? Запустил руку в казну Иоанна и отсыпал кому надо из стражников, не покусившись, щедрую горсть денариев? Только откуда ей там было взяться...

Аврум потом рассказывал, что ожидал найти Учителя в темнице, прикованного к стене и истощённого голодом, но Креститель, скрестив руки на затылке, медленно расхаживал по фруктовому саду дворца возле главной площади крепости с мозаичным полом. На его ногах не было никаких

вериг, к нему подходили разные люди и спокойно говорили с ним. С кем-то он даже смеялся, порой оглушительно, словно не помня, где находится и что его, возможно, вскоре ждёт.

Учитель с хитроватым строгим прищуром посмотрел на взволнованного Аврума.

– Худо вам без меня?

– Хуже некуда...

Иоанн остро прищурился, точно читая скрижали книги судеб, открытой ему:

– Антипа каждый день стоит передо мной на коленях. Прощение выпрашивает. Меня приговорили римляне. Не он. Он клянётся мне в верности и высшем почитании. После моей смерти ему велено объявить всем красивую сказку. Про его коварную жену Иродиаду, её очаровательную дочь Саломею и якобы пьяное обещание сластолюбивого тетрарха исполнить любое её желание за прекрасный танец. А она запросит на блюде мою бедную головушку...

– Что, он не поможет тебе бежать?.. – напрягся Аврум. – Хитрая трусливая лисица!

– Тогда римляне убьют его самого. Тиберий сильно занервничал, когда я получил откровение Господа нашего об Иисусе. Он хочет всё это замять так, чтобы и следа не осталось в памяти людей о Христе и обо мне... Его можно понять... Тиберию был сон. Римские боги сокрушены. Нет больше на пьедесталах ни их Юпитера, ни Марса, ни прочих языческих патрес. Весь Рим, вся римская империя верует во Иисуса Христа, сына Божьего! Вот как, юноша Аврум!

Вернувшись, Аврум объявил, что будет искать встречи с самим Иродом Антипой. Они наверняка вместе смогут сделать так, что народ перестанет преклоняться перед фальшивыми чудесами Назарянина и отвернётся от него. Тогда, возможно, им удастся спасти Иоанна.

Он закрылся в своём шатре и никого не выпускал несколько дней.

Видели, что однажды к нему ночью кто-то тайно приходил, переплыв Иордан. Кажется, это был один из апостолов Иисуса. Ученик Иоанна, египтянин Трофим, узнал его, как тот не кутался в капюшон. Это был Иуда Искарот. Трофим видел его однажды рядом с Назарянином в Иерусалимском храме.

Он незаметно подобрался к шатру Аврума: люди там о чём-то напряжённо, опасливо шептались. А в конце их разговора отчётливо слышалось рассыпчатое лязганье, какое издают монеты, когда их пересчитывают на деревянном столе. По звуку Трофим даже определил, что монеты были серебряные. Штук тридцать – тридцать пять. Только для чего они предназначались и кому?..

К этому времени в лагере Иоанна не стало ни баранины, ни козлятины, ни даже голубей; больше не пеклись в ямах на камнях пресные лепёшки. Был съеден последний сом, а сети, которые ученики усердно забрасывали каждое утро и вечер в Иордан, раз за разом приходили пустые, если не считать ракушки и колючие водоросли. Рыба, как это бывает каждый год, одна раньше, другая позже, покинула свои привычные места и, сбившись в стаи, ушла на нерест в верховье реки.

На редких пришельцев надеяться не приходилось.

Вот-вот мог начаться голод.

Как-то после утренней молитвы Аврум объявил ученикам, что надо бы им искать себе новое, более людное место и там продолжить святое дело Иоанново. Он назвал Еннос на западном берегу Иордана вблизи Салима. Там вблизи главная людная дорога на Самарию, где можно стать лагерем, не опасаясь остаться без хлеба насущного.

Многие опечалились, что придётся покинуть место, выбранное самим Иоанном.

– За год с вами я один добыл трёх бегемотов! – гордо напомнил Гальят. – Как видно, пора мне идти за четвёртым. Я готов с ним сразиться и накормить нас!

– Тебе нужны помощники. Человек десять – не меньше! – строго сказал Аврум.

– Пятерых хватит. Не забывай, я – Голиаф.

– Был такой, да весь вышел на пресных лепёшках с водой... – усмехнулся Аврум. – Голод ослабил и тебя. Ещё и больше других ослабил. Ты вон какой огромный. Тебе одному в день нужен воз еды.

Ученики добродушно, но вяло рассмеялись.

– Ладно, выбери самых сильных человек семь... – наконец согласился Аврум. – Я раздам им тяжёлые дрютики и багры, прочные верёвки. Тогда, наверное, справитесь.

Египтянин Трифон, ходивший с Иоанном уже второй год, взволнованно стиснул свою тонкую чёрную длинную бородку:

– Одумайся, филистимлянин. Я из страны, где люди весь год живут охотой на бегемотов. И не

мне ли знать, что наш Всевышний бог Осирис запрещает охотнику, взявшему три туши, идти за четвёртой. Это вызовет его гнев.

– У меня свои великие боги! – поднял к небу голову Гальят, никогда не упускавший возможность напомнить об этом. Произнося такие слова, он каждый раз чувствовал, что он не просто каменотёс, потому что у него в покровителях реально грозные и несокрушимые небесные жители великий Дагон и Вельзевул.

Шесть человек Гальят выбрал сразу, и никто из них не отказался. Только седьмого найти не удалось. Не было больше среди учеников Иоанна ещё человека, который бы мог достаточно уверенно держать в руке дротик или пику. Люди пророка от голода слабели на глазах.

Гальят в лагере каждому пощупал мышцы на руках, зачем-то заглянул в рот, потрепал по затылку и, став на четвереньки, велел прыгать через себя. Этого никто не смог, кроме тех шести.

Правда, Елизар тоже справился со всеми испытаниями. Как говорится, на раз.

– Потрогай мои мышцы, отец! – гордо сказал он Гальяту и, глубоко вдохнув, напряжённо напрягся: его вызревшая молодая сила явно была налицо.

Гальят радостно рассмеялся:

– Ты ещё не Самсон, способный повалить каменные колонны, но на смелого пастушка Давида очень похож!

Рассмеялся и Елизар: ещё более радостно, чем отец. Сложил на груди свои сильные выносливые руки, бугрившиеся свежими мышцами.

– И всё равно на охоту я тебя не возьму... – неожиданно нахмурился Гальят.

– Не позорь меня, отец... – поморщился Елизар, ощутив на лице щекотание слёз, подло выдававших его молодые годы.

– Я отбирал среди тех, кто не раз бился до крови... – сухо объявил Гальят. – Не переживай. Твоё от тебя не уйдёт. Неисповедимы пути Господни. Будь готов к этому всегда. И считай, что это тебе моё главное отцовское напутствие.

Они в тот же день ушли вверх по течению, энергично подвигая по мутно-жёлтой воде Иордана свою семиметровую долбёнку, загодя вырубленную из тщательно вымоченного кряжа мощной развесистой осины.

Иордан река спокойная, мудрая и щедрая. Нет в здешних краях лучшего места для бегемотов, чем её отяжелевшие глиняной взвесью желтоватые воды. Так уютно они чувствуют себя только в родных африканских реках. Какое-то время ещё было слышно как охотники, толкая шестами лодку, в такт себе протяжно читают Иоанновы молитвы. Их голоса были особенно благоговейны и смиренны.

Бегемота нашли в болотистой старице, поросшей камышом. Вначале что-то странное промелькнуло у них перед глазами. Это взлетела пурпурная цапля, нагло сидевшая на спине огромного старого бегемота, и что-то очень даже для себя интересное увлечённо клевавшая в мощных глубоких складках этой огромной серо-коричневой туши метров пяти длиной и весом за четыре тонны. Бегемот, кажется, был совсем не против такой птичьей наглости. По крайней мере, он глухо урчал, вздыхал и, кажется, даже похрюкивал от удовольствия. Последний звук явно убедил охотников в нечистоте этого свиноподобного животного. Тем не менее охоту не остановили. В случае удачи мясо бегемота можно было обменять на тех же кур у здешних римлян, падких на всё экзотическое и невиданное.

Стали грести осторожней, медленней.

Мелькнули головы двух детёнышей, похожие на пеньки над водой, потом самка с любопытством высунула морду, насторожилась.

Подняв волны, бегемот тревожно развернулся навстречу охотникам всей своей мощной тушей. И тотчас они с диким криком, чтобы раззадорить в себе воинственный, победный дух, метнули в зверя тяжёлые дротики. Раз, ещё раз, и ещё, ещё. Гальят в свою очередь успел бросить три тяжёлых боевых германских топора с бронзовыми лезвиями.

Глубоко пробившие шкуру и жир бегемота дротики торчали из туши, делая бегемота похожим на гигантского старого ежа. Кровь брызгала из него, как фонтанчики китов.

Перед броском бегемот заржал так, что даже в далёких скалах отозвалось густое мощное эхо этого сокрушительного звука, который сам по себе способен повергнуть любого врага.

Что бы ни оказалось на пути бегемота – буйвол, леопард, человек – он неостановимо расчищает себе дорогу. Этот самец не стал исключением...

Вернувшись, охотники наперебой и каждый со своими совершенно противоположными подробностями рассказали, что было дальше. Эту разницу можно было понять: их ещё несколько дней трясло от страха.

Одни говорили, что бегемот успел нырнуть и поднятой волной опрокинул их лодку. Другие были уверены, что он всей своей тушей, равной по весу разве что десяти крупным арабским скакунам, разбил в мелкие щепы их долбёнку. Как бы там ни было, им пришлось спасаться вплавь. В этом месте Иордан не шире сорока шагов, так что охотники быстро оказались на берегу. Но и это не гарантировало им безопасность, так что они на всякий случай почти до вечера укрывались в прибрежных горах.

Все, кроме Гальята. Одни говорили, что бегемот разодрал его на две части, другие – что зверь отхватил каменотёсу голову, третьи утверждали, что Гальят, обвешанный запасными топорами просто-напросто утонул, вступив в битву с гигантским бегемотом.

С того дня долго не видели Елизара. Были ученики, которые утверждали, что юноша оставил их и, охваченный горем, вернулся домой. В это время пришли из далёкого северного Гадара к Иоанну за покаянием и крещением тамошние люди. Кажется, свинопасы. Один из них, – старший, Исхак, – услышал разговор про исчезнувшего Елизара и утвердительно сказал ученикам Иоанна, что он по дороге сюда не встретил никого, хотя бы отдалённо похожего на сына каменотёса, ему хорошо знакомого.

Предположили, что Елизар, подавленный гибелью отца, где-то укрывся и проливает безутешные детские слёзы. Стали искать его в прибрежных зарослях и нашли его в том месте, где Учитель крестил в Иордане Иисуса. Там на берегу низко наклонилась к воде, утопив в ней свои густые ветви, гигантская плакучая ива. Их завесой она прикрывала яму, вымытую течением возле её корней. Там сидел, судорожно сжавшись, со сбитыми коленями и кровавой ссадиной на лбу, голодный и грязный Елизар. Здесь плохо пахло. Рядом с ним валялся, как грязная лохматая тряпка, наполовину обглоданный труп шакала.

– Даймон... Даймон... – словно не замечая никого, хныкал Елизар и что-то глухо бормотал на непонятном языке.

– Он, кажется, говорит то ли с греческими, то ли с римскими богами. По крайней мере, «даймон» у эллинов значит «плохой демон», «бес»... – строго нахмурился Аполлос.

Исхак присел на корточки и прислушался к бормотанию Елизара:

– Он твердит, что гадаринские бесноватые убедили здешних демонов реки вселиться в бегемота и убить их отца. За то что он хотел избавить от них свой родной город.

Елизара под руки привели в лагерь, отмыли горячей водой с порошком сушёной мыльнянки и напоили козьем молоком. Придя в себя, он робко попросил лепёшечку. И съел их целую стопку. На этом закончился последний провиант в лагере.

В ту ночь Елизару снилась Рахель. Она летала над ним высоко в небесах и нежно улыбалась.

Разбудило Елизара хорошо знакомое верблюжье «Кхо!!!» Эти гортанные резкие крики разбавляло густое мычание и самодовольное фырканье. Он, морщась спросонья, высунул голову из палатки и шарахнулся назад. У самого его носа прошла огромная, словно пританцовывающая нога верблюда, увитая яркими пёстрыми лентами.

В лагерь неторопливо вошёл нагруженный товаром богатый караван.

Гибкие быстрые чернокожие слуги с дымчато-тёмными лицами-пятнами летящей походкой внесли на плечах золочёные носилки с белоснежной ажурной кибиткой. Увитая китайским зыбким шёлком, персидским игривым бархатом и густо мерцающим индийским золотистым атласом, она то надувалась на ветру, то опадала с сокрытой чувственностью. Это ощущение усиливали наплывающие из кибитки игривые ароматы воскуренного сандала.

Елизар знал его. Такой запах иногда шаловливо вился за Симхой.

Через занавески в тонкую щель кто-то бдительно, строго и в то же время опасливо выглядывал. Лицо его было почти не видно за плотно намотанным чёрно-белым бедуинским платком, однако большие сластолюбивые голубые глаза выдавали отчётливое упоение своей значительной важностью.

Сопровождавшие кибитку воины пинками подтолкнули к ней Аврума. Удары металлических наколенников явно были ощутимы.

– Эй, вы, поаккуратней... – снизил их пыл царственный, надмирный голос Ирода тетрарха, раздавшийся из кибитки. – Это не мои враги.

По его самодовольной интонации нетрудно было понять, что только недавно он с хорошим, бодрым аппетитом ел нечто для всех здесь невиданное, вроде жареных соловьёв, запивая это хрустящее, солоноватое блюдо весёлым крепким фалернским вином тридцатилетней выдержки, о котором они понятия не имели.

– На верблюдах мои слуги привезли вам еду и одежду... – проговорил Антипа и строго вздохнул, словно предельно утомлённый неведомыми простым смертным государственными заботами. – Так будет всегда... При одном условии...

– Да, повелитель... – поспешно склонился Аврум. Это тем не менее получилось у него достаточно неловко.

– Вы будете везде и всюду говорить, что Иисус Назарянин – самозванец! Он позавидовал славе своего троюродного брата Иоанна. И поэтому дерзко объявил себя Сыном Божиим.

– Да, повелитель... А можно ли нам передать Учителю еды и духовные книги?.. – тихо спросил Аврум.

– Он ни в чём не нуждается... – усмехнулся Антипа. – Я глубоко ценю и уважаю Иоанна. Но в одном мы с ним упорно расходимся. Иоанн рассержен, что вы до сих пор не все стали учениками Иисуса. Ваше неверие, что сын плотника есть Сын Божий, его страшно огорчает. Он порой приходит в бешенство, удивляясь такой тупости своих учеников...

Аврум резко распрямылся. Металлически взблеснув, полумесяцы секир тотчас скрестили свои жала возле его носа.

– Иоанн намерен окончательно развеять ваши сомнения... – вздохнул тетрарх. – Он просит, чтобы кто-то из вас, но не менее двух, отправились к Иисусу и задали ему конкретный вопрос: «Ты ли Мессия, который должен прийти, или ожидать нам другого?» Как считает Иоанн, его ответ решит все ваши сомнения. Он настаивает, чтобы вы всей общиной примкнули к ученикам Назарянина.

– Вместе с нашей казной?.. – усмехнулся Аврум.

– Казна у вас пустая... – вздохнул Антипа. – Без Иоанна вы пошатнулись... Кстати, тридцать серебряников, что я передал тебе для Иуды, ты не присвоил?

– Как можно...

– Так что мне передать Иоанну: когда пойдут ваши люди к сыну плотника?

– Завтра утром пойдём. Я и египтянин. Он на арамейском почти ничего не понимает. Другим твёрдой веры нет. Чуть ли не каждый второй в душе перебежчик. Только ждут своего часа примкнуть к Иисусу.

– Иди один... – глухо отозвался Антипа, и добавил уже из-за плотно закрытых занавесок. – Надеюсь, ты понял, что если тебе удастся доказать лживость Иисуса, ты не сможешь сосчитать все деньги, которыми я пополню казну вашей общины. И тебя лично не забуду.

На исходе первой стражи ночи измученные дневными заботами ученики Иоанна неспешно собирались у главного костра на общую молитву. Зыбко дымился горький дым ладана из смолистой смирны. Поторапливая ионнитов, Исхак призывно ударял билом в большое медное блюдо: отправившись на встречу с Иисусом, Аврум оставил его за старшего.

Вдруг он резко пошатнулся и, вскрикнув, повалился возле костра. Следом за ним глухо захрипел Елизар и рухнул навзничь. Все ученики Иоанна, где бы они сейчас ни были, как один с воплями падали на землю, теряя сознание. Кто-то бился в конвульсиях.

Пришельцы испуганно попрятались в палатки.

Это прекратилось тотчас, так же неожиданно, как и началось.

Люди ощупывали себя, оглядывали друг друга. Никто не мог понять, что сейчас с ними произошло.

На другой день они узнали, что накануне вечером в крепости Махерон был казнён Учитель.

Аполлос объявил идти требовать тело Иоанна для воздания должных почестей, и назвал десять человек, которых возьмёт с собой. Оружия в лагере не было, но он велел одолжить у местных жителей охотничьи дротики и пики: в пути им могли встретиться и барсы, и бурые медведи.

В ту ночь резко похолодало, и пришлось в дорогу одеться теплей, почти по-зимнему, так как большая часть пути пролегалa по горам навстречу сырому январскому ветру.

– Я тут ни при чём! Всё было кем-то ловко подстроено!.. – объявил тетрарх уставшим от рыданий голосом, когда ученики Иоанна добрались до гигантских ворот Махерона. – Тот, кто задумал это убийство, нарочно выбрал именно такое время: я отмечал свой день рождения. Пригласил лучших друзей. Был сам проконсул Люций Вителлий. И вдруг эта страшная новость... Вокруг меня столько врагов!

Тетрах был заплакан. На его лице Елизар видел странное смешение несхожих чувств: бездумного самодовольства, живой печали и мутных порочных желаний. От него мерзко пахло вином и благовониями. При этом ещё и грубым, едким потом, каким воняют запалившиеся на тяжёлой дороге ослы или мулы.

– Конечно, я распоряджусь выдать вам тело Иоанна... – глухо проговорил Антипа. – Но при одном условии. Вы похороните его в самарской Себастии. Подальше отсюда, чтобы не вызвать в народе волнения. Рядом с могилой пророка Елисея. Себастиа – достойный город. Возводя его, мой отец постарался. Себастиа Ирода Великого великолепна, как самые лучшие римские города!

«Себастиа?! – напрягся Елизар. – Так это же почти рядом с Гадарией!»

Он вдруг ярко, счастливо вспомнил своих братьев и сестёр. Нежно прошептал имя каждого: «Йеошуа... Мордехай... Нахман... Ариэла... Ницана...»

И тотчас сник, вспомнив про бесноватых.

Слуги Ирода Антипы вынесли на носилках тело Иоанна.

Ученики вздрогнули. Они никогда не видели Учителя в белом льняном одеянии, перевязанном большим шёлковым поясом. Оно было царственно расшито золотом и украшено густого цвета зелёными и чёрными драгоценными камнями. Все почувствовали сильный аромат благовонных масел, – тело было намащено смолистой миррой.

– Где голова Учителя?... – прохрипел Аполлос, низко склонившись над покойным.

На тщательно отмытой от крови низко обрубленной шее Иоанна кособоко лежал густой венок из тёмно-алых роз, ещё блиставших тяжёлой неиспарившейся росой.

Антипа слёзно поморщился:

– Не ведаю... Я ни от кого не смог добиться истины.

– Что твой палач сказал?..

– Он тоже ничего не понимает. Третий день моя стража ищет таинственного убийцу Учителя. Пока всё впустую...

– За всё это вы ответите перед Богом... – сдавленно прошептал Аполлос.

Антипа со вздохом прикрыл лицо шёлковой вуалью:

– Уходите скорей... Римский гарнизон уже на дороге к Махерону. Сам Тиберий распорядился забрать тело Учителя. Так что придётся врать и изворачиваться. Да мне не привыкать...

Они поспешно оседлали добрых верблюдов, которых привели слуги Антипы. Долго укрепляли на самом сильном и высоком из них гроб с телом. На тот случай, если по пути наскочат шакалы.

Нарушив все римские законы, тетрарх распорядился выдать ученикам Иоанна мечи и секиры. Щедро позаботился о деньгах.

...Через несколько дней караван вошёл в Себастию. Преображённая Иродом Великим, она мало чем уступала столичному Иерусалиму. А своим римским амфитеатром, базиликой с мощными колоннами, огромным, блиставшим позолотой храмом в честь императора Августа город грустно напомнил Елизару его родной Гадар.

После суровой Иудеи с её каменистой и словно опалённой огнём землёй, в этих краях их встретили просторные ярко-зелёные пастбища. А оливковые деревья, обыкновенно куцые и хилые в Иуде, здесь в Самарии радовали глаз выпрямившимися стволами, ярким серебром листьев и густотой плодовой кроны.

Прежде чем приступить к погребению, ученики благочестиво помолились пророку Елисею. Просили прощения, что беспокоят его, и просили помочь Иоанну на пути ко Господу.

Елизар, неплохо усвоивший профессию отца, за день вырубил в скальной стене пещеру-гроб. Конечно, его время от времени сменяли Исхак, Аполлос или Трофим, тоже знавшие толк в погребальном деле. У всех на руках вспухли кровавые сочившиеся мозоли.

На закате Солнца, сегодня какого-то особенно блеклого, мертвенного, точно навсегда уходящего

за горизонт, ученики аккуратно положили на каменный выступ погребальной пещеры тело Иоанна; всю ночь жгли факелы и читали молитвы.

Перед отъездом, заваливая могильную пещеру тяжёлым неподъёмным камнем, придавили руку Елизару, но он даже не вскрикнул. Боль потери была сильней.

У всех на душе наступило глухое отупение. Всё, что недавно беспокоило, волновало, увлекало, словно потеряло всякий смысл.

Когда их небольшой караван под вечер пришёл к Вифаваре, оказалось, что с ними нет Трофима. Хотели ехать искать, уже запалили чадающие факелы. Аполлос тихо сказал, что он видел, как тот, когда их караван шёл по горной тропе, задержался, пропустив своих спутников достаточно далеко, а потом с диким воплем «Иоанн, я иду к тебе!!!» бросился с уступа в пропасть.

– Только никому ни слова об этом... – глухо вздохнул он. – Нам всем отныне предстоят жестокие испытания. И это лишь их начало. Нельзя расслаблять людей.

На другой день Аврум, как и обещал тетрарху, тайно отправился в Иерусалим встретиться с Иисусом и, наконец, с позором разоблачить его.

...Он вернулся лишь через несколько недель, и говорил с учениками Иоанна едва ли не два часа без остановки. Был он сам на себя не похож. Несмотря на начавшийся дождь, лицо Аврума светилося так, словно бы на него падали прямые солнечные лучи.

– Братья!!! – счастливо вскричал Аврум, и от одного его голоса многие тотчас попадали ниц. – Не я ли первый среди вас доказывал, что Иисус Лжемессия?! Что он перехватил наш хлеб и добывает себе славу на путях, проторённых святым Иоанном?! Да что я... Даже его родные братья не верили Иисусу, что он праведно явлен миру Господом.

– Ты! Ты!! Ты!!! – взревела толпа учеников и поселенцев.

– И тогда Иоанн из заточения передал мне повеление идти и испытать Иисуса для вразумления всех вас прямым вопросом: «Ты ли Тот, Кто должен прийти, или нам ожидать другого?» И что же ответил мне Иисус?!!

В лагере всё замерло: не только люди, но, кажется, даже лошади, ослы и клетотавшие в вышине орлы притихли. Только святой Иордан сосредоточенно плескал своей беглой желтоватой волной, похожей на песчаные дюны, когда видишь их издали с высоких скальных хребтов.

Аврум опустился на колени и сотворил молитву. Это была новая молитва. Такой никто никогда не слышал ни от кого. Наверное, это была молитва от Иисуса.

– Отче наш, Иже еси на небесех... – с нежностью начал её Аврум.

Помолившись, он долго, взволнованно молчал.

– И что ответил мне Он?! – наконец вскрикнул Аврум. – Ничего... Но я не отстал от него. Куда я только не ходил за ним, ожидая ответ... И я увидел всё сам. От одного слова Иисуса слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мёртвые воскресают, нищие благовествуют. У меня на глазах Иисус накормил пять тысяч народу пятью хлебами и двумя небольшими рыбами, и при этом ещё осталось двенадцать полных еды коробов! Почему? Я, Аврум, ученик Иоанна и отныне ученик Христа, сына Божьего, свидетельствую: «Будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш Иисус и Он спасёт вас, даруя вам жизнь вечную!»

Выговорившись, Аврум смиренно вздохнул, поклонился ученикам и, склонив голову, зашагал прочь из лагеря...

Прошла минута-другая, и больше минут прошло, но наконец замершая толпа дрогнула, забурлила, раскололась. Добрая половина учеников Крестителя тронулась за Аврумом. Они поторапливались, так как шаг у него был размашистый. Тем не менее многие из них на ходу пытались повторить только что услышанную молитву «Отче наш». Они сбивались, путали слова, но не замолкали: «Да приидет Царствие Твое...» И вот уже наладились, вот уже они сообща повторяли её. Она зазвучала нараспев: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Петь молитву в голос, стройно, им мешали слёзы.

Аврума они догнали, рыдая.

Елизар робко огляделся и уже не увидел в лагере ни одного знакомого лица. Не было Аполлоса, не было Исхака. Не остался никто, с кем они ходили тайком под носом у римской стражи в крепость Махерон, с кем хоронили в каменной усыпальнице обезглавленного Иоанна.

– Что же ты, мальчик, не ушёл с ними? – вздохнул какой-то старик, в котором по грубому хитону из старой верблюжьей шерсти и сырмятному, причиняющему боль поясу, он узнал одного из оставшихся в лагере самых первых учеников Крестителя. Кажется, того звали Эфраим.

– Я поклялся отомстить бесноватым за маму. И пока этого не исполню, мне ни до чего нет дела... – побледнел Елизар. – Как быть, ума не приложу...

– Бог даст, всё уладится, – мудро вздохнул старик. – А вот и какие-то люди к нам идут. Может, креститься надумали? Пойду, поприветствую их...

«Новые люди» были два человека, только что насторожённо спустившиеся с холма к лагерю, вернее, к тому, что от него осталось. На расстоянии они различались разве что ростом. Один был непомерно рослым, но до того измождённо худ, что было непонятно, как он не переломится пополам; другой невысок настолько, будто вовсе не имел ног. Одеты так, словно напялили на себя какие-то дырявые холщовые мешки, в которых что только ни побывало до этих тощих, трясущихся, изъязвлённых, склизких от желтоватой сукровицы тел: и алые гранаты в них гнили, и древесный уголь насыпали, и верблюжий помёт. Наверное, пророк Иона, что некогда из глубин веков возвестил о будущих страданиях Спасителя, проведя три дня и три ночи в пасти кита, вышел оттуда в более пристойном виде.

У берега Иордана среди зарослей олеандра стояло несколько последних, ещё не снятых палаток. Но и они казались опустевшими. Никаких следов учеников Иоанна. Сучья для костров приготовлены, но не зажжены. Только одинокий петух, сердито потряхивая царственным мясистым багровым гребешком, гордо, с подскоком, ходил по лагерю, иногда переходя на бег, и всё остро, бегло косил по сторонам сердитым взглядом, точно следил за порядком.

Пришлые с опаской посматривали в его сторону.

Подмигнув Елизару, Эфраим озорно махнул палкой на петуха. Тот прыгуче отлетел в сторону, напрягся и вдруг раздалось хлёсткое, победное «ку-ка-ре-ку!!!» Оно было долгим и натужным. Прогорлянив, петух резко трижды хлопнул крыльями и самодовольно, прыгуче отошёл.

– Мир вам... – поклонился Эфраим путникам. – Откуда будете?

– Из Гадара... – не сразу, совсем тихо сказал один из них, коротконогий.

– Как ваши имена?..

– Сами не знаем... Было нам имя одно на двоих... Да такое, что лучше его вовек не помнить.

– Твои земляки пожаловали! – крикнул Эфраим Елизару с такой щедрой интонацией, с какой общаются разве что благою весть.

Елизар в это время пытался сухой сосновой щепой взять для костра огонь из ещё непогасшей печи. Пламя никак не хотело на неё перебираться. Он терпеливо его ловил, болезненно морщась, – огонь, изворачиваясь, остро жалил пальцы.

Услышав Эфраима, Елизар с неудовольствием обернулся.

Рядом с сухоньким колченогим стариком стояли два грязных, истощавших путника.

Елизар не мог их не узнать. Он узнал бы их всегда и везде, как бы они ни были одеты, как бы они ни изменились внешне. Наверное, многие в Гадаре могли узнать их с первого взгляда.

Елизар машинально огляделся по сторонам. Поодаль, возле наколотой вчера поленницы, торчала из сучковатого бревна захватанная, матово блестящая рукоять колуна. Кто-то очень не слабый, явно матёрый в этом деле с силой вогнал тяжёлое убойное лезвие в глубину сердцевины жёсткого дубового ствола. Возможно, это сделал в сердцах кто-то из тех, кто вчера, бросив всё, поспешно ушёл с Аврумом, чтобы немедля примкнуть к ученикам Иисуса.

Елизар странно усмехнулся и, побледнев, вдруг легко, одним рывком выхватил топор. Какая-то нечеловеческая сила вдруг обнаружилась в нём. Ствол болезненно взвизгнул, выпуская вспоровший его железный клык колуна.

Не понять его намерение было невозможно. Елизар быстро приближался к путникам.

Они пали на колени. Тот, что был вроде как безногим, поморщился, словно обезьянка. Казалось, он робко улыбается. Это была болезненная глупая полуулыбка.

– Ты что, малый?.. – вскрикнул Эфраим. – Ты чего удумал?!

Елизар прибавил шаг. Теперь он держал колун перед собой обеими руками.

– Это бесноватые!!! Они убили мою мать! – твёрдо рыкнул Елизар, пинком отбросив с дороги петуха, вознамерившегося было клонуть его для утверждения своих здешних прав вожака.

– То были не мы... – мучительно выдохнул один из путников.
Эфраим кинулся, припадая на ногу, навстречу Елизару, – споткнулся, упал.
Он глухо застонал, однако, приподнявшись на одной руке, другой погрозил Елизару:
– Остановись! Иоанн проклянёт тебя! Ещё никто не проливал кровь в нашем лагере!
– Бесы попутали нас... – хрипло выдавил из себя рослый, мучительно откашлялся и встал.
Второй тоже поднялся. Тем не менее он перед своим спутником был как пень возле рослого дерева.

Кажется, они решили умереть стоя.

– Что же вы не бросаетесь на меня? – взмахнул колуном Елизар. – Защищайтесь! Где ваша бесовская свирепая сила?!

– Господь изгнал... – в один голос проговорили оба и обнялись, чтобы помочь друг другу стоять.

– Какой Господь?... – глухо проговорил Елизар.

И заговорил малый ростом, нервно плача:

– С учениками он приплыл... Наши бесы как лодку Его увидели, так сразу поняли, Кто это... И так начали метаться в нас, что всё утро нам порвали. Рослый, вздохнув, добавил:

– Визжали при этом невозможно: «Иисус! Сын Бога Всевышнего! Не мучай нас!!!» Тут Он и повелел им оставить нас и войти в стадо свиней. Тысячи две их паслось в том месте. И все свиньи вместе с бесами бросились с обрыва в озеро, и потонули... Мы просились уйти с Ним, но Он велел нам проповедовать по всему городу, что сотворилось с нами, и как Господь помиловал нас...

Елизар упал ничком на траву и зарыдал.

Плакали с ним и оба пришлых, и старик Эфраим.

Подходили тут ученики Иоанновы, из тех немногих, что ещё остались в лагере, и, прислушавшись к разговору, озлобились.

– Что пришли сюда, нечестивцы?! Это дом истинного мессии Иоанна! Прочь, порождения ехиднены! Хотите получить от него отпущение грехов и святое крещение?! Не дождётесь! Ступайте прочь к своему самозванцу Иисусу!

– Мы здесь случайно... – сбивчиво заговорили пришлые. – Простите нас. Мы искали Сына Божьего, но точно не ведаем, где он...

– Сейчас мы возьмём оглобли и наставим вас на истинный путь! – вскричали ученики.

– Они от слов перейдут к делу... – тихо проговорил пришлым Эфраим. – С них станется. Ступайте прочь скорей. Ищите Иисуса в Иерусалиме.

– Дайте нам немного еды...

– Сейчас вы здесь досыта получите по шее.

Пошатаваясь, путники сделали первые шаги вверх на гору. И тотчас растерянно оглянулись.

– Мы не знаем дорогу...

– Бегите, пока не поздно! – напрягшись, вскричал старик.

В сторону гадаринцев полетели камни. Даже поленья пошли в ход. Звонко вжикнула одинокая хлёткая стрела, но она была выпущена явно для острастки, поверх голов.

Ни рослому, ни малому это не добавило прыти. Кажется, они всю её растратили в пути.

А где-то через полчаса, уже на горной тропе, они, услышав позади настойчиво приближавшийся частый, бодрый перестук копыт, были готовы броситься в пропасть, как некогда бесы, изгнанные из них Сыном Божьим. Но не ионниты догоняли их.

Их на ослице догонял Елизар.

– Ты всё-таки хочешь убить нас?!.. – вскрикнули оба.

– Во-первых, накормить... – строго усмехнулся как-то вдруг на глазах повзрослевший Елизар. – А во-вторых, садитесь на ослицу, дяденьки... А я своими ногами пройду... Таких тощих она обоих выдержит. А дорога у нас теперь одна. Я мечтаю пасть на колени перед Иисусом и благодарить его за избавление Гадарии от бесов. Вы мне покажете его? Я этого человека ни разу не видел в лицо...

Малорослый, как бы уже взбодрившись и несколько ощутив себя в себе, гордо, почти дерзко, рассмеялся:

– Ты сказал – человека?!.. Я – человек, ты – человек! А он – Агнец Божий! Я видел его вблизи! Ближе, чем тебя! Но всё равно не мог понять, какое у него лицо... Живой Свет!

– Словно слепнешь... Так оно изнутри сияет... – глухо добавил Рослый.

От долины Иордана они три дня поднимались к Иерусалиму до блеска исхоженной паломниками горной дорогой. По пути ловили и ели голубей, привлечённых сюда верблюжьим помётом и зерном, каким караванчики кормили лошадей и мулов.

Влажным мерклым утром с высоты Елеонской горы, почти сплошь обросшей густыми оливковыми рощами, они увидели впереди сквозь сизую дымку горное плато, на котором, как на гигантской каменной ладони, застыл Иерусалим, больше похожий на непреступную крепость. Во главе его строго, царственно и в то же время отстранённо-торжественно от общего пейзажа унылой мозаики городских глиняных плоских крыш и каменистых серых улочек возвышался беломраморный массив храма, покрытый тяжёлыми листами золота. Сейчас поутру оно мутно зеленело под глухо-матовой склизкой росой. Елизар невольно отметил, что этот Дом живого Бога во многом похож своими резкими кубическими формами и колоннами на их гадаринский греческий храм Зевса.

Над непогасшим до сих пор жертвенником трепетали дымки, точно вдальеке курился старый, истративший силы вулкан: наступал первый день праздника Пасхи, день опресноков и закана пасхального агнца.

Весь день улочки Иерусалима, переполненные народом, казались издалека неким единым живым телом: всяк горожанин спешил исполнить необходимые обряды – отовсюду люди спешили в храм, взвалив на плечи ягнят, которые должны были пойти на заклание под нож священника. Кровь густо, медленно, пенно пузырясь, истекала в тот день из тысяч ран в заваленный тушами жертвенник всеожжения. «Ма-м-ма-ма», – пищали в предсмертной дрожи недорезанные ягнята.

Войти в город Елизар и «очищенные» решились не сразу, – только затемно, в наступившей ночи.

Сойдя с Елионской горы, они долго брели чуть ли не на ощупь, спотыкаясь на каждом шагу, по глубокому мрачному дну Кедронской, Царской, долины, пересечённой руслом пересохшего ручья. С трудом пробирались в провальной темноте между разбросанных камнепадами глыб и надгробных памятников Авесалома, Иосафата и Захарии и множества иных, уже безмянных гробниц, покрывавших весь восточный склон. Елизар вспомнил, что Симха говорила об этом каменном мешке, будто бы ему по старинным преданиям наречено стать для Яхве местом грядущего Страшного Суда. А ещё этой дорогой в Иерусалим придёт в свой час помазанник Всевышнего Машиах, Мессия, будущий вечный надмирный правитель всех народов.

Когда пробирались через Гефсиманский сад с его приземистыми пышными оливами, Елизару вдруг почему-то показалось, что там, в гуще деревьев кто-то есть.

Ветер вдруг повернул к ним, и Елизар отчётливо услышал обрывки чьих-то слов, в которых было столько печали и тоски, словно в них собралась воедино боль, накопившаяся на эту минуту во всех живущих на земле людях:

– Душа моя скорбит смертельно... Да минует меня чаша сия...

Елизару стало страшно. Он робко прислушался. Нет, никакого голоса уже не было. Да и был ли он?.. Наверное, примерещилось с усталости... А вот сейчас будто бы неподалёку чей-то мирный храп раздался...

Елизар опасливо огляделся и прибавил шаг.

– Здесь не так давно ходил Иисус... – вдруг глухо проговорил у него за спиной Рослый, остановил ослицу и пошёл дальше пешком, ступая особо аккуратно, бережно, точно старался попадать след в след, оставленный Сыном Божьим.

– Почему ты так решил? – догнал его Елизар.

– Видишь у дороги смоковницу? – хрипло отозвался «бесноватый».

– Конечно... Засохшее дерево. Ни листьев, ни плодов, – смутился Елизар.

– Её касались руки Иисуса! – взвинченно вскрикнул Рослый. – Видишь, как ветка поблёскивает?

– Это отсвет Луны... – смутился Елизар.

– Сам ты отсвет... – Рослый едва удержался, чтобы не отвесить ему подзатыльник. – Я теперь везде вижу, где Он был! За ним словно облачко Света остаётся. Такого нет ни у Луны, ни у Солнца или звёзд.

Они вошли в Иерусалим улицей торговцев, примыкавшей к стенам храма. Сейчас, спозаранку, в прохладном блёклом воздухе здесь уже пахло жареной бараниной и свежеспечёнными хлебами.

Елизар остро, радостно почувствовал, что ему хочется есть. Они решили идти просить еды в храме. Может быть, им подадут хотя бы миску риса и немного овощей.

На Храмовую гору взошли, обессиленно цепляясь друг за друга. Привязав ослицу у смоковницы, осторожно заглянули в ворота. Но во внутренний двор стражники никого из них не пустили, только увидев такие замызганные лица и услышав, что путники говорят на том гадаринском наречии, какое принято в стране бесноватых. Они попытались проскользнуть на территорию «женского» двора, но и здесь их остановил перепуганный стражник: не иудеям, да ещё без омовения в ритуальном колодеце и жертвенной животины вход сюда был запрещён под страхом смерти.

Дым ещё не совсем погасшего жертвенника ел глаза. Ко всему он, пусть и бледно, беспокоил запахом slashавой жареной молодой баранины.

– Жрать хочется... – глухо проговорил Рослый.

Елизар печально усмехнулся.

Мимо него вдруг промелькнула чья-то голова в пёстром бедуинском платке и длинном, овевающем землю, льняном голубом хитоне с оборками понизу, какой могли носить разве что только женщины. Шаг был лёгкий и тихий, – босые ноги аккуратно бежали по храмовым ярким мозаичным плитам. Сквозь щёлку платка брызнул пристальный весёлый взгляд таких ярко-голубых глаз, какой встречается разве что у юных белых козочек.

«Рахель!!!» – ошеломлённо догадался Елизар.

Отбежав, она села далеко в стороне, спрятав лицо в коленях, – у Прекрасных врат женского двора. Тут густо пахло дровами для жертвенника, оливковым маслом и вином: кто-то не закрыл двери хранилищ.

Елизар подошёл устало, припадая на вдруг разболевшуюся ногу. По дороге машинально обернулся. Ни Рослого, ни Малого не было на прежнем месте.

Елизар медленно огляделся по сторонам. Их не было нигде. Вообще-то он предчувствовал, что так и случится в конце концов.

Вздохнув, он опустился возле Рахель. Выражение на его лице от растерянного до восхищённо-радостного менялось с такой быстротой, с какой мелькают страницы в книге, когда в ней что-то торопливо хотят найти.

– Всё время после нашей встречи в горах я мечтал стать твоим мужем... – тихо проговорил Елизар, взяв Рахель за руку. – Нам с тобой надо пожениться... Извини, что делаю предложение сам. Свата у меня нет. Зато на свадьбу есть целых два денария!

Рахель тонко улыбнулась...

– Иуда тоже недавно предлагал мне стать его женой. Он даже показал мне целых тридцать серебриков и обещал, что они станут моими. Но я почему-то отказалась... А ведь за эти деньги можно купить большой дом в Иерусалиме!

– Кто он такой, этот богач Иуда? – строго вздохнул Елизар.

– Ученик Иисуса...

Впервые в своей жизни Елизар так резко, сильно встряхнул женщину за плечи.

– Иисуса?... Ты знаешь Иисуса Христа?! – радостно вскрикнул он.

– Я его ученица... – не пытаясь высвободиться, смиренно проговорила Рахель. Тем не менее в её голосе была такая скрытая потаённая сила, словно она могла, если потребуется, одним своим голосом передвинуть здешние горы.

Елизар взволнованно отступил.

– Я ищу Его, чтобы пасть перед Ним на колени... – побледнел он. – Этот Человек... – на слове «Человек» Елизар судорожно замер. – В общем, Иисус из Назарета освободил мой город от бесноватых! Помнишь, я тебе о них говорил. Кстати, вот смешно! Я пришёл в Иерусалим вместе с ними! Они тоже хотят стать учениками Иисуса!..

– Ты такой сильный и красивый! Но какой ещё ребёнок... – смутилась Рахель. – Ладно, я попрошу Марию Магдалину... Она поможет тебе встретиться с Ним...

– А кто эта Магдалина?

– Не сейчас...

– Она тоже здесь? Нет, тогда скорее идём к ней! – вскрикнул Елизар. – Ты поедешь на моей ослице, а я буду бежать рядом!

Они вышли из храма. Ослицы нигде не было. Наверное, Рослый и Малой за эти дни по пути в Иерусалим настолько привыкли к её нежно-гибкой пружинистой спине, что уже никак не могли лишить себя такого удовольствия.

«Значит, один бес в них всё же усидел!..» – хмыкнул Елизар.

– Ступай за мной, но держись подальше... – строго шепнула Рахель. – За учениками Христа уже дня три как начали слежку. Так сказала Магдалина... Иудейские начальники готовят заговор против нас.

Шли далеко и дорогой нелёгкой, – то перебегая кривыми мостками, то прыгая через рваные расщелины, – днями здешняя земля несколько раз пугающе напрягалась и что-то угрожающе ухало в её сокровенных глубинах.

Наконец Рахель привела Елизара к дому Иосифа Аримафейского, тайного ученика Христа, – богатого купца, торговавшего оловом, и, ко всему, одного из старейшин Синедриона. Рахель знала, что вчера здесь за городскими стенами на Сионском холме Иисус и ближайшие Его ученики после захода Солнца, «возлегли» полукругом, ели жареного пасхального годовалого ягнёнка и вкушали вина, благодаря Всевышнего Господа. Неподальёку от того места, где жил приговоривший их к смерти первосвященник Кайафа.

Рахель хорошо запомнила это место, – она по просьбе Петра приносила сюда к столу с базара бобы, баранину, оливки с иссопом, горькие травы и финики. Магдалина покупала хлеба, пресные лепёшки, вино и готовила из крови и потрохов тунца особый соус гарум, который лучше неё никто никогда не составлял, ибо не знал её хитрости, сколько выдерживать тот на Солнце в каменной ванне.

Возле двора Иосифа Аримафейского, на углу, едва заметный за стеной, кто-то стоял в тени большого старого кипариса, изредка коротко выглядывая. Этот «кто-то» явно не хотел быть замеченным.

– За нами, кажется, действительно следят... – нахмурился Елизар.

– Это Пётр! – радостно вскрикнула Рахель. – Идём скорей! Что он здесь? Где другие ученики?!

Сцепив пальцы на крепком борцовском затылке, апостол Пётр напряжённо, резким шагом бегло ходил вдоль стены, от которой старая дорога, мощёная известковыми, грубо обточенными камнями вела вниз в Елеонскую долину, где можно было в случае чего надёжно укрыться в старом Гефсиманском саду. С той стороны подкатывал пряно-терпкий аромат олив.

Пётр был молодой коренастый мужчина с сильными покатыми плечами и быстрым, нетерпеливым взглядом. Рядом с ним стоял безбородый худощавый юноша с утомлёнными, нежными глазами. Оба были потаённо завёрнуты в плащи.

– Мир вам... – сердечно сказал Елизар.

Пётр, озираясь, назвал юношу:

– Это Марк. Племянник апостола Варнавы. Я сейчас прячусь в доме его матери. Это рядом. Возле Гефсиманского сада. Иисуса они схватили...

Рахель застонала и, кажется, потеряла сознание. Они втроём подхватили её. Через минуту-другую Рахель судорожно вздохнула, поморщилась и вдруг резко, неожиданно сильно, даже грубо вырвалась.

– Они всё-таки решились... – глухо, строго проговорил Пётр. – Иисус у них. Они схватили его вчера в саду у нас на глазах. Иуда – предатель. Кайафа – подлец. Вознамерился устроить фарс общественного суда над Сыном Божьим, а его тесть Анна подстрекает распять нашего Учителя.

– Вы бы видели, как Пётр смело отрубил мечом ухо Малху! – звонко вскрикнул юноша Марк. – Это раб самого первосвященника!

– Смело?!.. – словно ненавидя это слово и прежде всего себя, презрительно вздохнул Пётр. – Я – смело?.. Я в эту ночь во дворе Кайафы, до того как дважды пропел петух, трижды отрёкся от Иисуса... Такая робость и страх меня вдруг охватили... Я стал клясться и божиться, что не знаю Христа. А тут его и вывели на двор. Суд закончился. Если это можно назвать судом. И тут Иисус так посмотрел на меня... Я никогда не забуду этот свой позор!

Юноша Марк покраснел и, кажется, был готов заплакать:

– А разве было бы лучше, чтобы и тебя схватили? – тихо прошептал он, взяв Петра за руки.

– Горе какое... – вновь покачнулась Рахель. – А где Магдалина?..

– Она ищет встречи с Пилатом, – поднял глаза Пётр. – Надеется убедить префекта, что Иисус никакого восстания против римлян не готовил и ни на какое земное царствование не претендовал. Как будто это что-то изменит... Синедрион уже решил: повинен смерти. У них свои цели. Нашёптанные Сатаной.

Марк бережно положил руку на плечо Елизара:

– Ты тоже из наших?..

– Из каких ваших? – смутился Елизар.

– Учеников Иисуса.

– Я тут случайно.

– Я, кажется, видел тебя в лагере Крестителя?

– Да, я был там.

– А сюда ты из-за Рахель пришёл?

– Я хотел поклониться Иисусу за изгнание бесноватых.

– Так ты из Гадара? Боюсь, ты уже не увидишь Учителя...

– А если достать оружие и попытаться освободить его? – отчаянно побледнел Елизар и стиснул кулаки, сейчас как никогда похожий на своего отца Гальята-Голиафа.

Марк строго посмотрел на Елизара. Казалось, ещё мгновение такого напряжения – и капли крови начнут падать с его лица.

– Через восстание Царство Божие никогда не наступит! – с юношеской безоговорочной строгостью проговорил Марк. – Это совсем не то, ради чего пришёл Иисус. Знаешь, в четверг, поздно вечером, я нашёл его в ночи в Гефсиманском саду. Это его любимое место. Но что меня удивило и смутило: Иисус был заплакан! А его ученики спали кто где. Видно, сказало выпитое пасхальное вино и сытный ужин... Так вот, когда мы несколько минут были вдвоём, Иисус обнял меня и успел до ареста говорить со мной. Он сказал, что не пройдёт и семи седмин, как Иерусалим будет разрушен римлянами, а земля под ним распахана. Ещё через сорок два семилетия в римских землях будут закрыты все языческие храмы и они всюду восторженно восславят веру во Святую Троицу... Хочешь, я научу тебя молитве, какой он меня одарил на прощание?

– Да!.. – взволновался Елизар.

– Стань на колени... – строго вздохнул Марк.

Елизар рухнул.

И услышал он молитву, с какой пришёл недавно Аврум в лагерь ионнитов:

– Отче наш, Иже еси на небесех...

Елизар заплакал. Марк вдохновенно дочитал молитву.

– Я хочу стать учеником Иисуса! – лихорадочно вскрикнул Елизар.

– А вот я в одну ночь трижды отказался от Него... – вновь тяжело проговорил Пётр, опустив голову.

Он только сейчас заметил, что потерял свои деревянные сандалии. Скорее всего, ночью у костра во дворе Кайафы. Когда Сын Божий, выведенный после суда на двор, так горестно посмотрел на него, и он бежал, сломя голову, и упал в воротах ниц, горько рыдая.

– Мне надо идти... – вдруг неожиданно твёрдо сказал Елизар. – У меня дела, какие никак нельзя отложить.

– Можно я пойду с тобой?.. – напряглась Рахель.

– А вот этого не надо.

– Когда вернёшься, ищи нас здесь же.

– Спасибо. Мир вам. Я иду... – нахмурился Елизар.

Отойдя достаточно далеко и убедившись, что никто из учеников Иисуса уже не видит его, Елизар стал спрашивать у редких прохожих, как ему добраться до Голгофы. И все говорили, что уже почти весь город там, и пусть он держится за ними – они тоже спешат на Голгофу, откуда даже здесь, на Сионской горе, если прислушаться, можно услышать плач.

Был час третий.

За город толпу, в которой шёл и Елизар, сразу не пропустили. Храмовые стражники с мечами и колющими останавливали людей и досматривали: нет ли потаённого оружия или яда.

Остановили и Елизара. Сняли с него пояс, велели раздеться до хитона. Нашли два сребренника

кесарева и оставили себе. Елизар смолчал. Он с гордостью предчувствовал, что ему сейчас предстоит сделать нечто главное в своей жизни. И оно, это важное событие, с каждой минутой всё ближе и ближе.

Радость нарастала в нём.

Какой-то худощавый, болезненный мужчина, раз от раза пугливо проверявший пальцами своё правое ухо, словно на месте ли оно, резко ухватил Елизара за подбородок и усмехнулся ему в глаза:

– Стража! Я узнал его...

– Кто это, Малх?

Малх вновь судорожно прикоснулся к своему правому уху, на котором слегка розовел едва видный шрам.

– Он тоже был там, в Гефсиманском саду, вместе с Галилеянином. Ты был там в четверг в полночь?

Елизар вспомнил, как они тяжело спускались мимо Гефсиманского сада в Кедронское ущелье, как он слышал там чей-то голос и даже чей-то приглушённый храп.

– Да, был, – ровно, твёрдо, почти радостно сказал Елизар.

– Так ты ученик Христа?! – нервно вскрикнул Малх и плюнул ему в лицо.

Елизар глубоко, счастливо вздохнул:

– Да, я ученик Христа. Я вспомнил!!! Это было как во сне...

«Тогда оставив Его, все бежали.

Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них».

От Марка 14.50-51.

– Меч! – задористо вкрикнул Малх. – Ваш Агнец Божий не смог спасти себя от смерти на кресте, посмотрим, спасёт ли он сейчас тебя?!

Кто-то из воинов медленно протянул ему оружие.

Малх резко перехватил меч и с глухим стоном воткнул, проворачивая, под левый бок Елизара.

– Ну вот так будет лучше!.. – сказал с удовольствием Малх.

Люди вокруг отпрянули, дав Елизару беспрепятственно упасть на мостовую.

Ему в этот момент не было ни больно, ни страшно. Он вообще не испытывал ничего из того, что принято называть человеческими чувствами и переживаниями. И мыслей никаких не было. Было состояние близости к чему-то правильному, высокому, истинному.

Елизар вдруг отчётливо увидел какого-то склонившегося к нему незнакомого человека. Как он выглядит, было сейчас совсем не важно. Это был одновременно человек, и это был Свет.

«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю...», – тихо сказал этот неизвестный ему Человек-Свет. Голос его был очень тих, но Елизар услышал.

– Иду, равви... – улыбнулся он.

– Смелее, мальчик!

... Как свидетельствуют Иустин Философ и Тертулиан, вскоре Понтий Пилат подробно донёс императору Тиберию о суде над Иисусом и его казни.

Тот был так поражён и восхищён ответами Христа своим мучителям перед казнью, что восторженно предложил Сенату включить его в пантеон римских богов.

Сенат не согласился, и Тиберий Юлий Цезарь Август ограничился приказом не преследовать христиан. Этот запрет долго не продержался – через несколько лет император был задушен Калигулой...